

ГЕОРГИЙ ГАЗИЕВ

ОЗАРЕННЫЕ ЦЕЛЮЮ

18+

ЖЕАЖЕДА СВОБОДЫ

ТОМ 1

Георгий Газиев

**Озаренные целью:
жажда свободы. Том 1**

«Автор»

2019

Газиев Г.

Озаренные целью: жажда свободы. Том 1 / Г. Газиев — «Автор»,
2019

ISBN 978-5-532-94004-8

Читателю предоставляется возможность окунуться в фантастический мир недалекого будущего. Юноша, Като, ущемлен тем, что его принудили пойти на пожизненную полицейскую службу. Он вступает в конфликт с окружением и пытается найти себя, пока по воле случая не попадает в руки древнего ордена - Хамару. Его обучают великой силе и знакомят с хрониками, через которые он постигает основы мироздания. Параллельно герой втягивается в древнюю священную войну, после которой прежним он уже не вернется.

ISBN 978-5-532-94004-8

© Газиев Г., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1. А все так неплохо шло	9
Глава 2. Дом, милый дом	16
Глава 3. Восток сближает	22
Глава 4. От суставов к голове	30
Глава 5. Опустошение	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Георгий Газиев

Озаренные целью: жажда свободы. Том 1

Пролог

– Магилан, сэр, вставайте! Очнитесь, все здесь сейчас разрушится! Пожалуйста... поднимайтесь, капитан! – Доносился один из множества истеричных голосов в полной темноте.

Затем послышались взрывы, грохот, людской визг и крики, но мрак все сгущался. Помутненная картинка ненадолго появлялась перед глазами, но затем быстро исчезала. Лишь близкий скрип деревянных балок и бесперебойное падение камней смогли привести Магилана в чувства. Он открыл глаза и понял, что линзы на его шлеме разбиты вдребезги. Вдобавок ему было тяжело дышать. Капитан чувствовал, что его грудная клетка была придавлена горами обломков, однако руки могли двигаться свободно. Маги с дрожью в кистях снял поломанную маску, убрал с порезанного лица маленькие частички треснувших линз и тут же начал кашлять от поднятой пыли с копотью. В ушах стоял назойливый звон, но ужас, царящий в округе, слышался еще отчётливее. Капитан собрался со всеми оставшимися силами и принялся ползком пробираться вперед, по узкой расщелине, которая образовалась после рухнувшей конструкции. Выжившему крайне повезло, что прижавшие балки не сломали ему ни одной косточки, хотя, возможно, он этого пока просто не чувствовал.

Когда Магилан наконец-то вылез, то увидел печальную картину. Перед ним лежал солдат, который просил его очнуться. Сначала Маги казалось, что его окрикивали в надежде помочь, но паренек сам в ней нуждался. Юный солдат лежал уже неподвижно на полу в луже собственной крови и металлическим штырем в груди. Маги чертыхнулся и прикусил губу от горечи. Но медлить было нельзя, все здание норовило вот-вот развалиться на части. Капитан подбежал к главной двери, но она оказалась намертво заблокирована с улицы. Маги выглянул в окно, протер его от пыли и увидел, что весь внешний фасад бара был завален осколками асфальта и остатками других зданий. А по этим руинам успешно продвигались броневики, сдавливая все органическое и неорганическое под вездеходными гусеницами. Нужно было искать другой выход.

Капитан увидел, что барная стойка еще осталась целой, он перемахнул через нее и рухнул на пол. Магилан и не заметил, что у него была разодрана часть ноги, которая дала о себе знать только по приземлению. Боец оглядел ее и успокоился. Хоть площадь пораженной кожи и была довольно внушительной, но ранение получил он совсем не глубокое. Капитан достал из своего пояса баночку с мазью-анестетиком и успешно нанес содержимое на пораженную поверхность. Маги повернул голову и увидел перед собой свалившуюся со стены табличку, где была изображена счастливая и смеющаяся семья владельца некогда преуспевающего заведения. Они сидели за столом, который под завязку был забит едой.

– Нет, сегодня я точно не умру. Дождитесь, мои родненькие, я к вам вернусь! – Строго сказал себе Магилан и, невзирая на спазм, поднялся.

Черный ход оказался не завален, капитан выбил дверцу и попал на кухню, из которой выбрался наружу. Картинка перед глазами ужасала до каждой клеточки тела: повсюду лежали груды обломков, развалины, тела погибших, в основном, изувеченные, разорванные и обгоревшие. Языки пламени активно охватывали, все им подвластное. Разумеется, поднимался густой и едкий дым, который властно застилал большую часть этого кошмара. Магилан попытался вызвать своих, но рация и голосовые модули сломались под завалами. Он посмотрел на темное небо и кое-как разглядел там луну, по которой и сориентировался. Идти по развалинам приходилось на ощупь, видимость была практически нулевая. К тому же с трудом дышалось

из-за едкого запаха гари, от которого постоянно хотелось кашлять, а глазам слезиться. Далекие вопли и крики не прекращались ни на миг. Магилан хотел помочь им всем, но не мог. Несколько раз капитан наступал на торчащие из-под завалов конечности и тут же отпугивался, падая на колени. Он карабкался на запад, где скоро должен был начаться пологий, почти не застроенный склон. Капитан знал карту местности довольно хорошо. В основном, ему приходилось держать направление по одной из главных улиц, которая сейчас состояла из постоянных котлованов, выбоин и искусственных холмов.

Поднявшись на один из таких холмов, вдруг капитана неожиданно за ногу схватила чья-то рука. Магилан отпугнулся и потерял равновесие. Боец полетел вниз по крутому склону и перед самым падением успел зацепиться за торчащий из-под завалов фонарный столб. Однако скорость развилась слишком большая, и хватка солдата не выдержала. Магилан плюхнулся на песчаный участок дороги, сильно ушибив руку. Однако фонарный столб оказался не так сильно забурен в обломках, из-за чего полетел вниз на капитана, зацепив собою провода деревянного электрического столба по соседству. Солдат в доли секунды успел совершить перекат и спастись, однако второй падающий деревянный столб вонзился в треснувшую кирпичную стену соседнего здания, которая тут же начала рушиться. Груда обломков стремительно приближалась к Маги, который со всех ног принялся бежать прочь. Благо, рана на ноге почти не чувствовалась. Магилан бежал от смерти так быстро, что не заметил открытый канализационный колодец, в который чуть не провалился; он в последний момент успел зацепиться за выступ.

– Черт, когда же это закончится, – поднимаясь, шипел боец, как вдруг в десяти метрах от него прогремела череда взрывов.

Ударная волна, несущая вместе с собой обломки, гарь и пламя, заставила капитана вновь нырнуть в колодец. Магилан смотрел вверх и видел только черные сгустки смерти.

– Фух, еще бы секунда...

Он вновь высунул голову и вздрогнул. Дым резко рассеивался, открывая дорогу катящейся водонапорной башне, которая от взрывов отвалилась с одной из крыш. Магилану стоило похвалить свою реакцию, которая так долго нарабатывалась на военных учениях. Она в очередной раз спасла ему жизнь и позволила занырнуть вниз, пропустив металлический валун над собой. Капитан наконец-то поднялся и продолжил свое шествие по руинам, где его несколько раз оглушили далекие взрывы и лопнувший вблизи гидрант с водой. С каждой такой выходкой судьбы ему все меньше и меньше верилось, что сегодня он мог выбраться отсюда живым. Одна лишь мотивация снова увидеться со своей семьей волочила его ноги.

И после преодоления очередного препятствия перед ним в зоне видимости появился двигающийся броневик. Сначала в дыму сложно было различить, удалялась ли машина или приближалась. Магилан начал махать ей, но вдруг, откуда не возьмись, со стороны начали лететь коктейли с горючими смесями. Весь броневик покрылся адским пламенем, а убегающий командир свалился в переулок. Вдруг послышались громкие крики с угрозами и руганью.

– Противник все еще жив... черт, нужно быть аккуратнее. – Пробурчал он себе под нос с перерывами на болезненные стоны.

Магилан, тяжело хромая, побежал по переулку и без конца облакачивался на стенку. Крики позади стремительно приближались. Вступать же в бой было самоубийством, так как капитан потерял большую часть обмундирования. Даже прочной униформе досталось: она во многих местах была пробита, разорвана, а ткань прожжена, оголив капритоновые пластины с трещинами. После выхода на одну из главных площадей, где догорал овощной рынок, дорогу капитану преграждал перевернутый грузовик. Вокруг же все полыхало.

– Вон там вепрь! Бегом за ним! Застрелите эту сволочь! – Страшно кричали вначале переулка.

– Черт, черт, черт, – начал в спешке шептать командир, давая маленькую волю панике, совершенно несвойственной ему.

Отступать и сбегать по сторонам не представлялось возможным. Смекалка приказала Магилану лезть под грузовик, где в разломе асфальта до сих пор лежала глубокая лужа. Командир затаил дыхание и скорее поплыл, но нога вдруг начала резко жечь. Маги вытащил голову, чтобы перевести дыхание, и не зря. Перед его носом протекал пробитый топливный бак. Дизель активно выливался в лужу, в которой находился Магилан. Грузовик, видимо, был совсем древним: капитан за свои последние десять лет жизни не встречал машин, работающих на двигателе внутреннего сгорания. Маги поскорее начал преодолевать этот смертельно опасный участок и вылез из западни крайне удачно; именно в тот момент, когда добежавшие разбойники бросили в грузовик горючую жидкость. Пламя почти мгновенно покрыло всю поверхность воды, в которой только что находился бравый командир. Густая сажа на лице у капитана растеклась, обнажая запекшуюся кровь и один сплошной ужас.

Магилан скорее побежал прочь, стараясь держаться от огня максимально далеко. Сверху стаями пролетали вертушки и дроны, освещая район ослепляющими прожекторами.

Пролетала также красиво и грациозно белая чайка, совершенно одинокая. Она парила, взлетала, пикировала меж языков пламени и дымовых выхлопов так ловко и отточено, что казалось, будто огонь ее вот-вот поглотит. Но птица все продолжала свой неумолимый полет, преодолевая опасность, раз за разом, словно феникс, освобождаясь из огня. Все потому что на другой стороне рынка, на одной из крыш, ее ждали новорожденные птенцы.

Впереди путь преграждало полуразвалившееся здание. Его фундамент от взрывной волны приобрел волнообразную структуру, выпучив многовековые, мертвые корни деревьев наружу. Цепляясь и хватаясь за них, Маги чувствовал, как вся солярка активно испарялась, приятно охлаждая кожу и волосы. Он забрался в здание, с трудом перепрыгнул через дыру в полу, и вдруг послышался еще один не далекий, мощный взрыв, отчего лопнули последние выжившие лампочки в округе. Маги пробрался внутрь темного коридора, открыл дверь, и, неожиданно, его оглушили дубинкой. Те преследователи знали эти места намного лучше командира, поэтому без проблем обогнули улицу, удачно устроив засаду. Удар пришелся ровно по затылку, отчего выживший свалился на пол и потерял трезвое восприятие пространства.

– Что, шавка, думал, сбежишь от нас?! – Говорил смуглый моряк, смачно плюнув на Магилана.

Позади него стояли еще пятеро и гневно переговаривались, хотя в их глазах читалось лишь горе. Темное помещение вдруг начало освещаться двумя фонарями, которые разбойники поставили на пол. Лучи света, как никогда, хорошо показывали кровожадный нрав варваров. Их большие, искривленные тени словно демонстрировали, насколько велики были их черные души. Однако Магилан абсолютно не чувствовал страха, уже давным-давно он был готов встретить смерть на службе. Но напоследок хотелось бы еще повоевать за свой родной полис. Варвары изредка пинали и измывались над ним, параллельно обсуждая между собой дальнейший план действий, а Маги незаметно тянулся к ножу, закрепленному на голени. Досада заключалась в том, что ножа там уже давно не было: эта компания обчистила его с ног до головы во время кратковременной отключки.

“Стащили нож, мать их... хотя, стоя на смертном одре, думаю, будет правильно исполнить свой долг перед родными и близкими, перед городом. Пускай даже голыми руками, в конце концов... стой, герой второсортный! У тебя абсолютно нет шансов сейчас. Лежи на месте, вдруг пронесет. Ты еще нужен семье и полису живым”, – неся внутренний диалог в голове Магилана, пока все шестеро столпились вокруг фонарей и уставились в окна.

Но не успел капитан что-то решить, как вдруг сквозь щели в забитом досками окне пролетели три метательных ножа. Один попал точно по фонарю, другие два насмерть вонзились в разбойника, закрывавшего второй фонарь. Полностью окунуть во мрак противников не получилось, но вот заставить их вскипеть – однозначно вышло. Магилан застыл на полу, наблюдая за ситуацией, и вдруг его нога вновь начала невыносимо болеть, а рассудок теряться. Кое-

как бравый солдат сохранял себя в чувствах, чтобы наблюдать за происходящим. Оставшиеся пятеро разбойников отошли от окон, обнажили свои холодные оружия и арбалеты в ожидании обороны. Нервная тишина сводила их с ума, а часто стучащие сердца, дикая дрожь, сухость во рту и активное потовыделение предвещали беду. Вдруг вдали произошла новая череда взрывов. Их здание затряслось и покрылось новыми трещинами, а пятеро потеряли на секунду равновесие. Но этой секундой превосходно воспользовался их затаившийся противник. Пока вся пятерка пыталась подняться, одного из них сквозь щель в полу схватили и потянули вниз. Момент, и бедолага исчез. Еще момент, короткий визг, журчание плоти, тишина.

– Твою мать! – Закричали остальные.

Помутненным взглядом Магилан наблюдал, как из другой части пола вырвалась тень в капюшоне. Она была с торчащими длинными волосами и катаной, на которой ярко горела красная полоса. Лицо тени было закрыто зловещей маской, а открытый взгляд показывал дикую ярость. Тень одним взмахом лезвия обезглавила рядом стоящего варвара и мигом подлетела к следующему, который взял ее на прицел. Она быстро среагировала и разрешила вылетевший болт ровно на две части, затем схватила обескураженного варвара за воротник куртки и с нечеловеческой силой бросила об несущую бетонную колонну. Бросок по мощи был сравним с выстрелом катапульты, отчего все кости бедняги отвратительно переломались.

Другие двое варваров трусили и отступали назад, пока на них надвигался озлобленный рычащий человек. Каждый его шаг лучше всякого слова предупреждал о кровожадных намерениях. Только эта фантастическая сцена позволяла Магилану все еще оставаться в сознании и не верить своим глазам. Однако варвары все же побежали в атаку. Первый хотел боковым ударом меча сразить тень, но та сделала ловкий перекат, аккуратно избежав лезвия. Затем загадочная фигура подскочила к заднему моряку и ловко совершила сальто. Маги даже заметить не успел, как у переднего мечника не оказалось ноги, и он уже бился в истерике, корчась от боли. Человек в капюшоне еще во время переката лишил того конечности. Он действовал быстрее, чем успевал среагировать человеческий глаз. Во время своего головокружительного сальто тень схватила крайнего разбойника и всадила в него лезвие. Капитан слышал, как варвар начал стонать и захлебываться в собственной крови. Их было плохо видно, так как оставшаяся лампочка освещала лишь одного. Тень освободила катану, бесцеремонно бросила труп в сторону и подошла к единственному среди них выжившему, который из-за боли в ноге даже не обращал на нее внимания. Страшный человек не говорил, а лишь рычал, как дикий зверь. Он встал прямо над раненым, занес катану и услышал хриплое «Стой!» от Магилана. Через секунду красная молния сверкнула, и катана вошла точно в сердце врага. Больше он не мучился. Тень умело смахнула кровь с лезвия и продолжала неистово рычать. Она, не обращая внимания на Магилана, пошла прочь.

– Постой, постой, пост... – хрипел он, пока все-таки не потерял сознание. Во сне ему снилась семья, ждущая его в отдаленном, одиноком домике на полянке, окруженной густыми желтыми полями и зелеными чащами, – мои родненькие, только прошу, дождитесь меня, я приду, я обязательно к вам приду... простите, что уделял вам мало внимания и времени, простите, что вечно играл в идеального солдата. Я приду к вам, обещаю!

Глава 1. А все так неплохо шло

По аудитории раздался крик:

– Като!

– Здесь, – неохотно ответил он.

– Сегодня ты ответственный за выдачу и прием обмундирования! – Захрипел куратор первой группы.

«Замечательно», – подумал курсант с пустым взглядом, пока писал фамилию «Чешуа» на своей тетрадке.

Это поручение весьма напрягло вялого Като, так сокращенно называли Каткему. Многие с непривычки путали ударения в его полном имени и фамилии. Он же постоянно талдычил, что правильно было выделять и там, и там букву «е». Поначалу, новые знакомые насмеялись над таким диковинным именем, нарочно произнося его неправильно. Однако затем оно стало очень даже приятным на слух.

Из-за могучей лени и нелюбви к своему учебному заведению Каткема Чешуа внутренне вскипал каждый раз, когда ему торжественно вручали любой вид ответственности. Другие его однокурсники наверняка бы обрадовались подобного рода заданию; больше времени можно было провести в академии, показать себя и наладить контакты. Като же за весь период обучения ни разу не попытался предложить кому-то свою дружбу; Чешуа не был активистом, так как считал это пустой тратой времени и сил. Более того, он точно не хотел сверкать личиком перед преподавателями и мастерами в надежде, что его заметят.

Чешуа считал, что если будущее человека определено за него заранее, то о стремлении учиться можно было вообще забыть. Именно поэтому он относился ко всему в академии равнодушно и предвзято. Ему хотелось чего-то большего, чем получать всю жизнь по каске от вышестоящих чинов.

А не смог Като выбрать свой путь в этом мире из-за указа, изданного управлением города Толлосус совместно со службой безопасности, кратко именуемой «СБТ». Толлосус, как и все другие поселения на континенте, являлся городом-государством. Но люди называли их кратко: “полисы”. Заключался данный указ в следующем: все выпускники средних учебных заведений двести тридцатого года от начала правления великих освободителей должны были поступить в полицейские академии.

«Да в ведении «СБТ» находится практически всё», – считали курсанты академии, понимая, какие большие перспективы их ждали, и какой властью они могли бы обладать. И ведь не ошибались.

Город буквально целиком и полностью контролировался через видеокамеры, а все лица и имена были зарегистрированы в базе данных. Правительство знало абсолютно всё о каждом шаге официанта, охранника ночного клуба или учителя. При идентификации человека, уполномоченные лица с легкостью могли узнать о нем все необходимое: судимости, социальное положение, спортивную, профессиональную или учебную деятельность, наличие родственников, – и это была лишь капля в море горькой правды.

На первой ступени карьерной лестницы курсантам предоставлялась возможность стать полицейскими и следить за порядком на улицах. Если боец проявлял себя на этом этапе, то затем ему открывался путь в элитное подразделение города – «Вепрь». А те же, кто не подходил по здоровью, со спокойной душой вливались в офисный планктон и заведовали делами в огромнейшем реестре данных.

Аудитория, в которой находились курсанты, была отремонтирована и выбелена. Но эта классическая трехрядная расстановка парт и доска в конце комнаты уже так приелась всем, что ремонта даже никто не замечал. Было восемь утра, всем ужасно хотелось спать, а восходящее

солнце очень ярко и назойливо светило в лица курсантов сквозь щели жалюзи. Классические темно-синие брюки, заправленные хлопчатые белые рубашки и туго затянутые синие галстуки так плотно сидели на теле, что поры кожи сразу начинали пропускать пот. В классе было, вдобавок, крайне душно. Като нервировало абсолютно всё вокруг. Вдруг из уст соседа по парте раздался задорный возглас.

– Мы такие серьезные! – Шепнул Артед, которого все кратко звали Арти, – а почему мы такие серьезные, мистер Като?

Но ответа не последовало. Каткема слишком углубился в свои мысли.

– Земля вызывает Като, ответьте!

– Да просто... хм... все нормально, но я в очередной раз задаюсь вопросом: «Какой толк от всей этой учебы?». Да она настолько бесполезна, что упасть можно, – закатил свои карие глаза Каткема, – это жесть... почему никто не замечает, насколько система образования устарела. Мало того, что за уже все уже решили, так теперь еще и заставляют заниматься всякой хренью. Лучше, реально, это время полезнее бы провел.

– Да, брат, здесь не поспоришь. Но всё-таки не забивай себе лишним голову, что же теперь поделывать, раз мы в такой ситуации оказались. Все остальное время все равно в твоём распоряжении, живи в удовольствие, брат. Тебе следовало бы больше развлекаться, отдыхать душой. А то совсем уже смурной стал, – зевнул Арти и от души потянулся назад, – как мне мама всегда говорит: «Ты по жизни не отставай и вперед не гонись, найди золотую середину, научись ловить кайф и видеть всюду позитив».

– Не надо хотеть быть середнячком, нужно стремиться стать великим, – с серьезной гримасой сказал Каткема, – эта посредственная жизнь, по-моему, хуже некуда: каждый день вставать и идти на нелюбимую работу, терпеть ненавистного начальника и, в целом, душевно угадать. А вся серая масса ведь к ней привыкла, к такой ничтожной жизни. Люди стали рабами системы.

Артед перестал слушать Като на середине высказывания, так как он не воспринимал его слова всерьез. Каткема казался ему наивным глупцом, которому лишь бы звезды с неба хватать и вечно жаловаться на окружающий мир. Чешуа почувствовал легкую обиду, и чтобы не оставаться в неловком молчании, решил заговорить о другом.

– Но вот в чем фишка. Раз нам деваться некуда, то выбор остается только таков, смириться или же все время набухать, как гнойник. Пожалуй, выберу первое, – продолжил тут же он, вытягивая уставший позвоночник.

– Да, мистер Чешуа, здесь вы правы... кстати, слышал что-нибудь про новых шустрых дронов?

– Слышал, краем уха.

– Так вот, теперь производится новая партия с новой аудио-записывающей системой. Тогда уж точно каждый кабинетный червь в форме будет знать всю мою личную жизнь, – громко объявил широколобый товарищ и бестактно зевнул, привлекая лишнее внимание.

– Сдался ты им, дронов отправляют следить за рыбой покрупнее, – чуточку нервно ответил Като, яростно зачесывая пальцами свои шоколадного оттенка волнистые волосы.

– Ты не понял сути, смотри в корень. Если сейчас эту систему тестируют на дронах, то она скоро перейдет и на камеры.

– Мда уж, не нарадуешься... да хотя, к чему ты так загоняешься? Мы же не планируем преступать закон. – Уверенно и насмешливо заулыбался Каткема.

– Если всё пойдет таким темпом, то наказывать будут уже не только за действительно плохой поступок. Любая твоя некрасивая фраза в адрес правительства может стать роковой... – с поникшим взглядом закончил Арти.

Он сначала призадумался, но затем его взгляд быстро приманили формы молодой учительницы алгебры, соблазнительно выделяющиеся в черной длинной юбке.

По телосложению два друга очень разнились. Ростом Арти был около метра и семидесяти трех сантиметров, в то время как Чешуа метр восемьдесят пять. Однако Артед был сложен кучнее и выглядел достаточно крепким, кряжистым парнем. А его широкий лоб, глубоко посаженные голубые глаза и маленький торчащий нос создавали имидж хитреца, замыслившего недоброе.

Артед и Каткема были друзьями еще со школы. И так уж распорядилась судьба, что два близких человека оказались в одной группе академии среди множества других. Чудо случается. Они, конечно же, были этому безмерно рады, оба слишком многое пережили вместе и знали друг о друге абсолютно всё. Порой их связывал лишь тот пройденный многолетний опыт дружбы и не давал друг от друга отдаляться в случае ссор и разногласий. Такие связи очень прочны и надежны. Но за долгое время общения каждый начинает меняться в свою сторону, отчего взаимосвязь медленно, но верно теряет ценность.

– Слышал новости про Ланса, кстати? – Уже с более оживленным лицом начал Арти.

– Что именно? Про него слишком много новостей, – с недовольством высказался Като, чиркая карандашом по парте.

– Девочку, говорят, накачал в клубе коктейлями, и ей плохо стало, – продолжал с интригой Арти, – теперь ее родители хотят на него заявление накатать.

– Насколько плохо стало? Хотя сама же виновата, сама же позволила себе перебрать. Голову на плечах нужно иметь.

– Более того, она сидела на антибиотиках. Исход мог быть летальным.

– Люди сами творцы своего счастья.

Артед их не осуждал, потому что Ланс со своим образом существования был ему симпатичен. Арти в глубине души тоже хотел вклиниться в манящий, распутный образ жизни.

– Говорят-то, что самое смешное, пила она антибиотики как раз-таки от печени, теперь ее точно сама и угрбила.

Они посмотрели друг на друга и пожали плечами.

После алгебры начинались занятия по физической подготовке. Здесь студентов обучали обороняться от вражеских кулаков, оружия дальнего и ближнего боя. Прививались также навыки владения дубинкой и полицейским щитом. Учили метать дымовые шашки, стрелять из лука и арбалета. Так же необходимо было развивать и другие основополагающие физические факторы: силу, выносливость, ловкость и быстроту.

По специальной программе их готовили быть более смекалистыми и находить выход из различных критических ситуаций. У Каткемы именно в этой стезе были большие успехи и наилучшие показатели. И, наконец, курсанты учились коллективной работе со щитами: построению фаланг, выстраиванию в линию, эффективному отступлению и различным техникам нападения. Обычно щиты-скутумы использовались только для глухой обороны или давки врага, а если же бойцы шли в бой еще и с мечом, то использовали как каплевидные щиты, так и укороченные квадратные. Но чаще всего все-таки брали на вооружение скутумы – прямоугольные стеклянные щиты, полностью заслоняющие тело защитника правопорядка.

Сегодня курсанты обучались владению дубинкой. Одни и те же рисунки и приемы день за днём, уже целый месяц. Говорили, что это какая-то методика какого-то древнего учения. Преподаватели пытались объяснить ее через объединение с пространством, но не могли связать и двух слов.

Упорный Като был не против такого вида работы. Ведь всё-таки повторяя одни и те же удары и блоки, они закреплялись в подсознании и затем могли в любую секунду, когда это потребуется, вылететь автоматом. И потом не нарадуешься тем прожитым в труде часам тренировок. Но, конечно, Като и Арти надеялись, что применять им эти приемы не придется.

На дворе стоял сентябрь месяц, но на улице было добрых двадцать пять градусов выше нуля. И носиться по стадиону в броне никому не доставляло удовольствия. Хорошо, что в

ясный полдень солнце не обжигало, как летом, а нежный ветерок немного охлаждал. Хотя все эти мысли вставали на последнее место в головах дерзких, горячих и поглощенных гормонами парней, когда они видели у поля толпы девушек из женского потока. По-видимому, у тех было окно между парами, и они решили заглянуть.

Многие из поступивших парней в этом году не теряли возможности познакомиться с ровесницами, и Като тоже перенял эстафету. Завел отношения с одной. Только не по зову сердца, а по зову гормонов. Её звали Анна. Была она ниже Каткемы на голову, светловолосая, голубоглазая, и рот при виде парня не закрывался ни на секунду. Для нее сдержанный, высокий, опрятный, веселый и симпатичный Като был практически кумиром. По крайней мере, создавалась такая видимость. Это был первый опыт, когда он являлся для девушки эталоном мужчины. И Каткему вполне устраивало такое положение вещей. Сильной любви он, конечно же, к ней не испытывал, но порезвиться был не прочь. Одна сторона его личности упорно твердила, что нельзя использовать чужую душу так нагло и потребительски. Но испытывать одиночество день за днём молодой, в расцвете сил, Като отнюдь не собирался.

После отработок упражнений с амуницией, началась подготовка к сдаче нормативов. На носу были отжимания от пола, отжимания на брусьях, подтягивания на перекладине и бег на сотню метров.

Через пол часа все закончили, и прежние отважные лица выглядели отнюдь не так бодро. Благо, Каткема хоть и не без труда, но закончил все испытания достойно. Несколько раз перетерпев чудовищную боль в мышцах, он в итоге не пожалел, что дополнительно тренировался по вечерам. Тут весь женский поток мигом перетек на часть стадиона, оккупированную парнями. Да так резво, что столпы пыли поднимались из-под ног красавиц выше их самих.

Начались громкие возгласы, крики и женский смех. Все эти полигамные звуки превратили ряды будущих хранителей порядка в подобие базарных торгашей. Старшему преподавателю по физическому воспитанию стало настолько тошно на это смотреть, что он исчез со стадиона со скоростью света.

В прошлом капитан подразделения пограничной полиции, ныне преподаватель – Януш был высок, худощав, с густой растительностью на лице и небольшой залысиной на голове. Его волосы уже были покрыты старческой сединой, не характерной для людей сорокалетнего возраста. Карие глаза преподавателя всегда были злые. А из-за их близкой посадки вся злоба и негатив передавались окружающим в разы сильнее. Искривленный, разбитый нос достаточно хорошо говорил о непростом характере, а может быть, и о непростой службе в прошлом. Он был широкоплеч и, несмотря на свою худощавость, физически силен, а техника и навыки в бою не уступали силовым показателям. Именно это все, вместе с безупречной дисциплинированностью и верой в правоту правящей вершины, помогло ему вступить в ряды преподавателей такой престижной академии. Наверяли Януш получал от своей профессии удовольствие. Но уверенность в том, что он выполнял благое для государства дело, мотивировала его не впадать в уныние и отчаяние от одинокой, несчастной жизни, без намека на любовь от кого-либо. Он не мог без слез взглянуть на нынешний первый курс, так как в их головах были только разврат, хамство, эгоизм и беззаботное легкомыслие. Януш считал своим долгом уничтожить всю прыть в их сознании и очень жалел о том, что не мог применить свои более рациональные и радикальные методы по воспитанию подрастающего поколения. Однако все еще было впереди.

Эго Каткемы невероятно согревалось от женского внимания, заботы и ласки. На Анне сейчас была обычная белая футболка с широким вырезом на шее, а на ногах обтягивающие черные спортивные штаны. Видимо, соблазнительница специально не переделалась после последней пары, скорее всего, тоже физического воспитания. Она хотела продемонстрировать ему свою прекрасную спортивную фигуру.

Анна намеренно села рядом и крепко обняла его худощавую шею.

– За тобой было очень приятно наблюдать.

- Почему это? – С пафосом ответил Като, сделав мужественное и благородное лицо.
- Ну как почему? Ты хорошо показал себя на тренировке.

Чешуа знал, что она лукавит. Результаты Като были не самыми плохими, но и далеко не блистательными. Физически он был не слаб и не силен, хотя всегда мечтал стать атлетом.

– Так... чем ты занимаешься сегодня вечером? – Со вздохом спросила блондинка после издевательского молчания Каткемы.

– Ну, я ещё не знаю. А почему спрашиваешь, подруга? – Саркастически усмехнулся он, сделав акцент на последнее слово.

– Может, всё-таки позовёшь меня куда-нибудь уже?! – По-детски разгневалась девушка и даже немного задвигала ногами.

– Это, конечно, очень заманчиво, но как же раздумья о моём месте в этом мире длиною во весь оставшийся день? – Ощерился Чешуа и показательно погрузился в себя.

– Дурак! Совсем уже отъехал со своими мечтаниями бестолковыми! – С обидой воскликнула она, пытаясь отодвинуться от него.

Но он не дал ей вырваться. Этого вполне хватило, чтобы Анна прекратила свой бунт. Каткема постоянно иронизировал над собой, в частности над тем, как он любил витать в облаках и усердно думать о вопросах мироздания.

– Куда сама желаешь пойти? – Сказал Като так, будто делал одолжение.

– Знаешь, Арти и Фрола сегодня пойдут вечером в центр, там восточную ярмарку на время развернули. Заморская традиционная еда, одежда, танцы и все такое, по-моему, очень интересно. Можем сначала с ними походить, а потом, если захочешь... разрешу проводить меня до дома, – сказала Анна и быстро захлопала своими длинными ресницами.

– Ты это чувствуешь?

– Что именно?

– Плутовкой запахло.

– Ах, ты засранец!

Мини-перепалка снова разгорелась, но так же быстро закончилась.

– Блин, сегодня у меня так мало времени остается до вечера, ничегошеньки не успею, а уродкой предстать перед тобой не хочу! – Вновь впала она в легкую истерику.

– Я тебе вот что скажу! Если человек сказал, что он чего-то не может, то будет прав, и если человек сказал, что он это сможет, то тоже будет прав. – Решил с напыщенной важностью поделиться мудростью Каткема, едва сдерживая ухмылку.

– Ага, ага, поумничай мне еще тут!

Анна всегда заводилась от подобных нравоучений. Чешуа все это прекрасно понимал, но не мог удержаться, чтобы не поучить ее жизни и не дать парочку ехидных советов.

К ним вскоре подошли Арти с Фролой, а после подоспел и общий приятель компании – Зверь. Они перемалывали последние новости, шутили над всякой ерундой, а Като же больше молчал. Всё было спокойно и мирно, пока Зверь не заметил начинающуюся потасовку.

– Видно кое-кому снова моча в голову ударила, – хихикая, сказал Арти.

Трое богов местного пантеона престижа и пафоса сцепились со светловолосым парнишкой, по имени Влас. Он выделялся среди обычных учеников, заучек и задир своей специфической странностью. Вроде был, на первый взгляд, таким же обыкновенным, как и все остальные, но все-таки с заметной чужинкой. И зная, что Влас заводился с пол-оборота, эта тройка решила его достать.

“На что способно дурное юношеское чванство? Сколько еще глупостей должно произойти, чтобы они самоутвердились?”, – думал Каткема.

Этих троих звали Ланс, Келлепо и Ми-Фенг. Северянин-блондин, чернокожий южанин и узкоглазый желтолицый восточник. Влас их не любил, и они его тоже.

– Привет, чудной, – заорал ему в ухо Келлепо, взяв Власа за плечо.

– Чего тебе? – Недовольно покосился Влас на нарушителя личного пространства.

– Как дела, хочу спросить, – Еще громче крикнул Келлепо.

– Хоти дальше, – дерзнул Влас, чьи волосы почему-то были седыми.

– Вот как, значит, тебя учили родители разговаривать, да?! – Продолжал Келлепо также нагло и упорно, оглянувшись на висящие сломанные камеры, которые еще не успели поменять.

– Давай! Продолжай! Я тебе сейчас всю харю вскрою! – Уже скалил зубы Влас.

Только он закончил свою последнюю фразу, как к нему сзади подлетел Ми-Фенг и всадил в затылок очень болезненный, и, так сказать, свой коронный подзатыльник. Вот тут-то глаза и лицо Власа налились ярко-красными красками. Этот появившийся дьявол был готов сейчас же раскромсать задир. И даже без предварительной варки в котле.

Влас резко повернулся и помчался в сторону Келлепо, разумеется, размахиваясь кулаками. Тот не успел среагировать, и амплитудные, яростные удары пришлось очень кстати к темному лицу. Южанину ничего не оставалось кроме, как лежать, собравшись в комок, и защищать ещё не до конца отшибленные места. Конечно, он поначалу, еще стоя на ногах, пытался выбрасывать удары в ответ, но Влас бил быстрее, да с таким напором, что совладать с ним и не плюхнуться наземь смог бы разве что опытный мастер боевых искусств. Ми-Фенг снова попытался подскочить сзади, но Власу удалось его заметить и момент в момент выбросить свой размашистый удар с разворота. Тумак получился настолько удачным, что Ми-Фенг отпрыгнул назад с разбитым носом и расплывающимся перед глазами экраном. Через секунду он увидел летящий в него второй кулак. Однако опасность миновала. Неожиданно появился Ланс, который ударил не ожидающего Власа под дых. Простояв в ступоре ещё несколько секунд, яростный Ми-Фенг своим корпусом сбил с ног седовласого. Тут к ним подскочил уже оклемавшийся Келлепо и нанес Власу пару сокрушительных ударов ногой. Будучи как шакалы, напавшие на льва и отрывавшие от него кусок за куском, эти трое беспощадно избивали уже не защищающегося парня. Задиры в ярости разбили его лицо аж до неузнаваемости. В эти мгновенья губы Каткемы шептали слова «Вставай, вставай, вставай же!». Ссадины, рассечения и раздутые гематомы полностью скрыли прежнее симпатичное и мужественное лицо Власа. Его пепельные волосы были испачканы землей и сохшейся кровью. Седоволосый еле дышал, а звуки при болезненно расширяющейся диафрагме были скорее схожи с хрипом, который зывал о помощи. Хоть за его избитым лицом было сложно прочесть эмоции, но чудом не заплывший правый глаз смотрел на небо и будто задавал вопрос «Почему? За что?».

Его приятели, как назло, в этот день были вызваны проходить медкомиссию, так как учились во втором потоке. Вся же толпа, наблюдающая за этой жестью, как будто бы отключила звук. Все молчали и будто не дышали. Настолько всё вокруг было напряженно и волнительно. Этот страх пронизывал каждого, отнимая контроль над чувствами и телом. К слову сказать, «образцовые» юноши должны были вскоре стать правозащитниками, но почему-то ни у одного не колыхнулось сердце, чтобы прикрыть Власа грудью. Скорее всего, у данного поколения было заколочено на гвоздь всякое мужество, родители просто не воспитывали его в своих детях. То же касалось Като и его приятелей. Чешуа был в смятении, но всем своим видом не хотел показывать свой страх. Он всегда волновался о своем “крутом” облике и старался смотреть на подобные стычки, как на пустяки. Каткема сам себя корил за такую черту, но перебороть ее не мог. В глубине его души лежал один маленький секрет, заключающейся в том, что он не мог до конца принять себя. Като всегда хотелось изобразить черты характера, которых ему не доставало.

Тем временем, трое обидчиков подустали пинать бесчувственное тело: и Ми-Фенг с окровавленным носом, и Келлепо, тоже получивший неплохих тумачков. Даже остановился целенький, но растрёпанный Ланс, который занял первое место в номинации «подлец года». Они огляделись вокруг и молча пошли в сторону раздевалки и душевой, а за ними вслед семь

девиц. Зная их, Анна предположила, что те пошли залечивать раны своих подлых любимцев и воспевать их победу.

– Мда... они, видно, не лучше этих засранцев, – сказала она.

Только когда те удалились, несколько парней подбежали к безмолвно лежащему Власу и понесли его. Стоять он не мог. Тут же вспыхнули бурные, эмоциональные разговоры, возгласы и споры, толпа резко пробудилась из спящего состояния.

– Похоже, они уже давно с ним цапаются, поэтому атмосфера так быстро накалилась, – подметил Арти. – На самом деле, ребят, мне кажется, я понял, из-за чего они на него набросились.

– Продолжай, – сказал Като, которому Влас всегда казался довольно интересным юношей, который явно не собирается угождать толпе.

– На одной из после классных отработок к этой тройке подсоединили Власа, чтобы они быстрее смогли справиться с работой. Но этот валенок с такой неохотой таскал несчастные ящики, что сильно тормозило процесс, а те скорее хотели домой свалить. Но это еще только пол беды. Вроде бы потом Влас со своим вечно несчастным лицом сцепился с преподавателем в словесной перепалке. Поэтому всех их заставили таскать ящики еще три часа. Конечно, злоба может появиться после такого.

– Я думаю, пора идти переодеваться, пока всю толпу не призвали к разборательствам, – с долей страха проговорил торопливо Зверь.

– Да, ты прав, – подтвердил Артед.

– Что ж ребят, тогда, во сколько собираемся в центре сегодня? – Спросил Като, будто ничего не произошло.

– Давайте в беседе лучше спишемся на этот счёт, – не торопясь, проговорила молчаливая, полусонная Фрола.

– Давайте, – повторили хором остальные.

Обнявшись, парочки разошлись по своим секторам. Като, как и должен был, стоял у склада, принимал поношенную амуницию. Благо, все сегодня сдали форму быстро и без фокусов.

Глава 2. Дом, милый дом

В три часа Като полностью освободился и направился домой. Жил он со своими родителями в пятнадцати минутах ходьбы от академии. Их район был спальным, но находился совсем недалеко от центра, поэтому новая квартира влетела отцу Каткемы в копеечку. Всё-таки каждый хочет после тяжелого рабочего дня избавиться от дневной суеты и шума. Эта тяга преследовала и Каткему всю жизнь. Все его постоянно напрягало и нервировало. «Когда же будет мне покой?», – спрашивал он себя постоянно, мечтая о тихой, размеренной жизни. Като мечтал о собственном небольшом баре прямо у океана, найти себе там жену, завести детей, заниматься серфингом. Очень наивно для восемнадцатилетнего парня, но если всю жизнь видеть вокруг себя только каменные джунгли и слышать шум автомобилей, то, возможно, появится желание сбежать от всего этого. Като знал, что все его знакомые назовут такую жизнь скукой смертной, но что поделать. Видимо у молодого парня было эго уставшего от жизни старика.

Каткема шёл быстро и стремительно, погрузившись в свои раздумья. Когда он выходил из своего «мира» и осматривался вокруг, перед ним вырисовывались бетонные многоэтажки с большими стеклянными панелями, усеянные по всему центру. Эти небоскребы царапали небеса своими пиками и прятали за своим фасадом тысячи офисов. Перед Като всплывали толпы народа, торопливо движущегося куда-то по своим делам. Среди людских масс также частенько всплывали и каски полицейских, патрулирующих район. Все в бешеном темпе спешили, суетились, рабочая атмосфера кипела, а большой городской центр задавал ритм, при котором на отдых не было времени.

Более того, по дорогам неслись в разные стороны автомобили, от которых производился очень неприятный шум. Однако на улицах полиса отсутствовало всяческое задымление, так как все автомобили давно перешли на электричество. Над головами прохожих постоянно пролетали сканирующие дроны, которые за несколько секунд по приватизированным кодам для каждого гражданина считывали информацию и устанавливали личности. Будто камер, висящих на каждом углу, не хватало.

Также над бульварами, в районе десяти метров над землей, пролетали средства воздушного транспорта «СБТ». Их называли в простонародии вагонетками или коробками. Они представляли собой квадратные низкие металлические контейнеры, в которых по всей видимости даже встать в полный рост было невозможно. По углам этой коробки устанавливались четыре реактивных турбины. Подобная техника нуждалась в доработке, а служащим пока что оставалось лишь, сидя в плотной тесноте, любоваться перенаселенным, шумным городом из иллюминаторов.

Здесь, в деловой части полиса, нельзя было встретить уличных танцоров, музыкантов, фокусников и торгашей. Выходя за её границы, такие встречались, но редко. В Толлосусе не положено было заниматься чем-либо, не приносящим пользу городу. Если в поле зрения органов попадали смышленные индивиды, которые зарабатывали слишком большие деньги, занимаясь «черным» предпринимательством, то вскоре они оставались в лучшем случае ни с чем, а в худшем их отправляли за город работать на химическом предприятии, шахте или свалке. Городские структуры подгибали под себя все легальные рынки и сферы бизнеса, но полностью запретить торговлю крупных корпораций они не могли. Им не хватало рычагов давления на крупных монополистов, потому что те уже давно предугадали действия властей и обезопасились. Однако вся рыночная экономика, давшая большой толчок развитию города в начале его существования, неминуемо превращалась в командную. По этой причине те, кто ставил мелкие лавочки, раскрывал палатки или просто разворачивал ковры с товаром, будь это даже детские игрушки с парфюмами, держали ухо остро и глазами видели лучше камер. В основном, торгашей можно было встретить на старых станциях метро и в глухих местечках, где камеры и

дроны не могли их обнаружить. Поговаривали, что в городе была даже сеть подземных рынков и что там текла совсем иная жизнь, намного свободнее, но в это мало кто верил.

Внимание Каткемы вдруг привлекла новая реклама на огромном билборде во всю высоту здания. В ней одна известная тур-фирма рекламировала свои курорты, делая акцент на то, что многие территории между полисами стали опасны и непригодны для жизни, более того, что во многих из них жили кровожадные дикари. Фирма хвасталась, что она смогла построить множество своих прибрежных отелей, санаториев и курортов, несмотря на все ужасные условия, с которыми ей пришлось столкнуться. И в конце рекламного ролика все сводилось к тому, что фирма была готова пойти на любые риски ради достойного отдыха людей со всего мира. Вдруг Чешуа неожиданно представил себя, стоящего во весь рост на одном из таких билбордов, может быть, рекламируя что-то или же являясь заслуженным героем города. Однако из-за сладких грез Като почувствовал резкое неудовлетворение собственной жизнью и попытался вылезти из этого омута.

Каткема быстро дошёл до своего райончика. Здесь его окружали уже не стеклянные высотки, а простенькие серые пятиэтажки. Выглядели они чистенько, строго и аккуратнo. Этот дистрикт находился на крутых холмах, поэтому дома с высоты птичьего полета напоминали огромные ступени. Часто, находясь на крыше, люди здоровались с жильцами, живущими на втором этаже соседнего дома. Из-за этих бесконечных скатов и подъемов езда на авто была очень неудобной и опасной, поэтому управление жилыми районами города Толлосус решило заменить дороги на узкие пешеходные дорожки и аллейки, тем самым избавив уставших работников от гула машин по вечерам и освободив достаточно нового места для строительства. Парковка же находилась в специально отведенных местах вокруг всего района. И возражать такому решению, идти против городских структур, было крайне неразумно. За машинами все равно следили камеры, так что жильцы не переживали.

Среди тихих жилых домов Като сразу находил облегчение. Вокруг него возникало очень много растительности: высокие тополя мерились высотой с домами и своей большущей тенью закрывали прохожих от яркого солнца. Чешуа проходил также и по тенистым аллеям, закрытым густыми кронами берез, где на скамейках сидели пенсионеры. Като со всеми любезно здоровался, а те, кормя хлебными крошками голубей, желали ему в ответ доброго здравия. Затем Каткема услышал смех детишек, играющих в прятки, а после резкий плач. Один мальчуган споткнулся и разбил себе колено. Чешуа не мог пройти мимо, помог ему встать и подарил “исцеляющую ссадины” барбарисовую конфетку. Ребенок с большими глазенками даже немного засмутился от неожиданной доброты молодого человека, пока другая малышня обхатывалась над его неуклюжим падением.

Жила семья Като на третьем этаже. И в этот душный день, как и во все остальные, родители встретили сына очень тепло. Хоть ему и было восемнадцать лет, они с ним обращались как с ребенком: интересовались каждой мелочью, произошедшей за день, расспрашивали про самочувствие в такую жару, и что он обедал в академии. Тут же мама накрыла на стол и попросила сына переодеться в недавно выстиранную и идеально выглаженную одежду.

Весь семейный очаг пестрил нежностью и заботой. Като был единственным ребенком в семье, поэтому родители хотели подарить ему так много любви и ласки. В глубине душе они, разумеется, желали, чтобы он никогда не вырос и всегда оставался рядом с ними. Като был единственным смыслом их существования. В ранней юности его, конечно же, устраивало подобное положение вещей, но затем Чешуа начал замечать всю гнилую подноготную такой «сладенькой» жизни. Сейчас же он и вовсе хотел, наконец, жить один.

Но все равно любил Каткема своих родителей также сильно и самоотверженно. Искреннюю и бескорыстную любовь к своим родителям подмечали даже школьные друзья Като. Особенно в моменты, когда он не хотел врать родителям о намечающейся у кого-нибудь вече-

ринке и о том, что там будет много выпивки. Ему было проще убедить предков, что все будет в порядке, нежели одаривать их мощными порциями вранья.

Однако Артед подмечал, что из-за такой сильной опеки в Чешуа были возвращены нотки эгоизма. Каткема частенько ставил людей на второй план, хотя сам же считал свой эгоизм совершенно здоровым.

Их трехкомнатная квартира с порога удивляла своей просторностью и вместительностью. Так как кухня была соединена с залом, отец Като мог спокойно смотреть телевизор и одновременно любоваться красавицей-женой, орудующей у плиты. В целом, помимо бежевой мебели, в интерьере преобладали умеренные темно-синие тона. Такие цвета были по душе родителям, комнаты не казались слишком уж вычурными, скорее сообщали о скромном и спокойном темпераменте хозяев.

Они сели ужинать. Като пил смородиновый морс, а родители красное полусладкое вино. Стиль красных напитков по отношению к белой скатерти был выдержан идеально. Его также подчеркивало и мощное светлое освещение на кухне.

– Как дела на занятиях, сынок? – Спросила мама – Алисия, мило улыбаясь и разрезая изысканно запекшуюся розовую плоть рыбы.

Она глядела на сына точно такими же карими глазами, как и он на нее.

Алисия Чешуа была зрелой женщиной, выделявшейся среди многих ее ровесниц необычайной красотой. Ее лицо было круглым и румяным, а волнистые каштановые волосы свисали до плеч. А ее глаза, прикрытые очками овальной формы, были цвета лесного ореха. Над ними вырисовывались длинные натуральные ресницы и ровные, тонкие брови. Фигура была достаточно стройной, что выдавало тщательную слежку за лишним весом. Она вообще всегда выглядела очень ухоженно и опрятно. Все подмечали, что от Алисии веяло добротой и домашним уютом. И может, именно поэтому она считалась самым ценным воспитателем в детском саду.

– Пойдёт, – наотрез ответил Като. – Учились вот стрелять из луков и арбалетов на днях. Наверное, это было одно из самых приятных занятий, которые только могут быть в академии.

– И как, получается у тебя?

– Знаешь, средние результаты, попадаю рядом с метками хотя бы. Некоторые вовсе метят криво, но есть также и те, кто яблочко за яблочком выбивает. У меня пока что руки сильно дрожат при стрельбе, но это дело поправимое.

– Ты все равно молодчик, а что по оценкам? – спросил папа – Оллема, кратко его звали Олли. Он пытался мастерски, как в ресторанах, разлить вино себе и жене, но получалось больше нелепо, чем умело.

Лицом Като был вылитый отец, только вот волосы у старшего были светлые и прямые, как солома, торчащая вверх. В отличие от очаровательной жены Оллема выглядел весьма неприглядно. Он был высоким мужчиной худого телосложения. Со спортом, видимо, никогда не дружил, поэтому мускулатура так и осталась абсолютно не развитой. Олли любил носить на повседневной основе только классическую одежду; на автопилоте каждое утро он надевал черные брюки со стрелочкой, клетчатые рубашку и вязаную жилетку. Отец привык так одеваться еще со школы и университета, а теперь в другом облики его и представить было сложно. Все это в купе с бледной кожей, торчащим кадыком и мутно-голубыми глазами создавало имидж болезненного мужика. Однако в профессии инженера-проектировщика такой внешний вид почитался.

– Да вроде всё нормально, без особых проблем. Где-то вскоки, где-то падения. Как всегда приходится много и усердно пахать, чтобы хотя бы приблизиться к хорошим оценкам по некоторым предметам. Но я думаю, что порой излишне заучиваюсь, – с неохотой отвечал Като, уткнувшись взглядом себе в тарелку.

– Это почему же? – Воскликнула сразу мама.

– Като... чем лучше учится курсант, тем выше должность он сможет занять в дальнейшем, – продолжил отец.

– Неа. Так было в прошлом. Сейчас нет абсолютно никакой разницы, как ты учишься. Просто если не сможешь что-то вовремя сдать, то заставят пересдавать, пока не получится. А, например, сидеть в офисе, что ты и имеешь в виду, приходится курсантам с ограничениями по службе, – махал в воздухе вилкой Каткема, пока объяснял.

– Зачем же тогда вам ввели рейтинги, зачем ставят оценки, следят за процессом?

– Тех, кто плохо учится, отправляют патрулировать тот район рядом с портом, – сказал Чешуа, выпив разлитое им в свой же бокал вино, пока родители были поглощены разговором.

– Что??? Прямо вас, таких мальчишек??? И ты ещё у меня учиться плохо вздумал?! – Воскликнула Алисия, откинув с яростью назад свои чудесные волнистые волосы.

– Не волнуйся, туда самых “слабых” курсантов суют, и то на последнем курсе. Мне до таких, как до Луны, – попытался успокоить её Като, сохраняя полное спокойствие. Он знал, что тон в споре с женщиной играет наиважнейшую роль.

– Да такими темпами точно туда засунут, скажи же, Олли, – приподняла она свою хрупкую женскую кисть в сторону отца, но голос стал уже более спокойным.

– Ну, всё... началось... – промычал Като себе под нос.

Родители Каткемы были людьми старой закалки. Для них самое главное было – это получить хорошее образование, чтобы затем найти престижную работу. Через несколько минут их волнения утихли, и разговор перетёк в новое русло.

– Так, чем сегодня вечером будешь заниматься? Гулять пойдешь?

– Да, в центр, на ярмарку собираемся.

– Оу. Может... лучше не стоит? А то там такое ужасное столпотворение. Мало ли кто там будет. Черт знает, откуда понаехали эти узкоглазые, или наши напьются и будут буяннить. Вдруг что случится.

– Мам, я уверен, там будет много охраны, да и восточники – славный народ. Мир только за счет них может похвастаться технологическим прогрессом. Не думаю, что какой-то левый паренек из центрального полиса будет им нужен.

– Они же шарлатаны. Им рабский труд и рабочая сила нужны во время странствий, а ты сильный и здоровый молодой человек, – вступил Олли в конфронтацию, как обычно, на сторону матери.

Всегда в спорах они вдвоем забрасывали Като аргументами, от которых отбиваться было крайне тяжело.

– Зачем им мы? Они сами плодятся, как кролики. Скоро уже океан между нами затопчут, – попытался Като перевести все в шутку.

– Никто не сравнится с тобой, таким умницей, старательным трудягой. Так что береги себя, подобное усердие и целеустремленность не у каждого встретишь, – искренне похвалила его мать.

– Ого, спасибо большое, – засмутился Като и широко заулыбался.

– Вообще, я на работе слышал, как восточники делают собственных рабов-зомби. Они просто увозят человека темной ночью в багажнике автомобиля в глушь лесную, там им вскрывают черепную коробку и накладывают в мозги дикой дурманящей травы. Несчастный теряет рассудок и становится безвольным овощем, который потом может только скот пасти, – решил заинтриговать свое семейство Оллема.

Алисия и Каткема погрузились в задумчивое молчание, тяжело проглатывая кусочки пищи и с ужасом переглядываясь между собой.

– Такие вот байки ходят... ну, чего вы загрузились? Не понравился анекдот что ли? – захохотал Олли, а потом и остальные члены семьи.

Уже достаточно давно Каткема понял, что его любимые родители могут сделать из него беспомощного и безвольного овоща. Поэтому уже с ранних лет в школе, на улице и на различных секциях Като вытягивал себя из этой зоны комфорта. Он не хотел вырасти слабым и постоянно устраивал себе испытания. Не раз попадал и в перепалки. Конечно, Като не всегда выходил победителем, но постоять за себя мог. Однако попадал он в такие ситуации недостаточно часто, чтобы их не бояться. В общем, рос среди обычных ребят и совсем не жалел о таком полезном и интересном уличном воспитании. О многих его детских и юношеских похождениях родители не знали для их же безопасности.

– Думаешь, нам с твоим отцом не хочется погулять, развеяться?! Но как видишь, сидим здесь, подалше от этой толпы.

– Вот что я тебе скажу, сынок, – уже продолжал Оллема, – нам тоже хочется развлекаться, но к нашему возрасту начинаешь понимать, что такой комфорт, безопасность и уют – незаменимые бонусы за тяжелый труд. И мы хотим, чтобы ты к этому поскорее пришел.

«Мда, – думал Като, – эти уже совсем скоро с комнатой срастутся. Как можно настолько сильно себя вгонять в зону комфорта? Какой смысл в их образцовом существовании? Да у стариков жизнь активнее. Это домашнее удобство поглотило их целиком и полностью, даже бояться шага влево, шага вправо сделать. Загонять себя в петлю времени и делать ребенка единственным смыслом существования – как же это глупо. Я и сам хочу райской жизни, но не настолько же».

Но ничего обвинительного Като говорить не стал, ему не нужны были конфликты. Всё-таки, как-никак, он очень любил своих родителей.

– Я вас отлично понимаю, – слукавил Каткема.

– С кем идешь-то?

– Да с Анной и друзьями.

– Ого, невесту уже себе подыскал, когда нам её покажешь? – Начал Олли с живым интересом, так как сынишка редко афишировал свои любовные отношения.

– А что, я вам сразу её должен показать? Мы с ней еще не настолько близко знакомы, чтобы с родителями знакомиться. Тьфу ты. Кашу какую-то сказал.

– Ну, мы же должны оценить степень опасности. Может, она хочет тебя от нас увести? – Усмехнулся отец, нелепо подмигивая жене.

Олли иронизировал и шутил намного чаще, чем Алисия, которая любые новости от сына воспринимала в штыки.

– Пусть только попробует! – Разбушевалась вновь мать, нервно хихикая.

Снова разговор закипел, но Каткема слушал его фоном и пил уже второй бокал вина.

Вскоре они доужинали, Като пошел собираться, а родители присели на диван и принялись смотреть новости. Сын надел темные джинсы, фланелевую рубашку в красно-черную клетку и белые чистенькие кожаные кроссовки. Также он не забыл надушиться отцовским одеколоном, уж очень ему подходил аромат. А свои волнистые волосы Каткема с трудом зачесал назад и укрепил лаком.

– Только давай там недолго и аккуратно. Тебе сколько с собой дать? – Спросила Алисия с привычной материнской добротой. Уникальной добротой.

– Ну, литов семьсот-восемьсот, – постарался поскромничать Като и ужать свои расходы, так как не хотел пересидживать у родителей на шее.

– Ладно, ты же у меня умница, – ласково пролепетала мать и дала ему полторы тысячи.

Они попрощались, и Алисия ещё раз пожелала сыну хорошего вечера, сказав, чтобы тот был аккуратен. С грустной миной она вернулась к Олли, который сразу же её обнял. Каткема не мог понять их чувства, он не знал одного факта. Родители так сильно оберегали и лелеяли его, потому что Като был единственным ребенком, который смог родиться. Сотни попыток

завести детей оканчивались постоянными неудачами, причем неудачами на самых разных этапах беременности, вплоть до довольно поздних.

Глава 3. Восток сближает

Каткема был в хорошем расположении духа. Вечер обещал быть веселым и насыщенным на яркие события, да и погода стояла очень приятная. Дневная беспощадная жара спала, а вечерний прохладный ветер обдувал кожу, нежно массируя все поры. Чешуа шел мимо пустого сквера, наслаждаясь тишиной и любуясь нежно-розовым небом. Като поймал момент, найдившись на очередной возвышенности, и смог запечатлеть полный диск солнца, медленно спускающийся за горизонт, дабы доложить сестричке-луне, что настал ее час. На небе были ряды пышных облачков, пересеченных линией самолета.

Каткема решил не тратить все деньги сразу, а растянуть их еще ненадолго. Он подходил ближе к намеченному месту встречи и начал замечать, что улицы и переулки были оживленнее обычного. В людях исчезла та обыденная серость, их лица играли новыми красками. Улыбка и смех повсюду заменили гул машин и создали праздничное настроение.

Като с друзьями договорились встретиться на оборудованной спортивной площадке, расположенной недалеко от ярмарки. Когда он начал подходить, то заметил стройную женскую фигуру. Это стояла уставшая от томительного ожидания Анна. На ней было приталенное платье бирюзового цвета, достаточно просторное и воздушное. Вид, казалось, был совсем девственным, пока взгляд не добирался до груди, которая выпирала, не стесняясь своих размеров. На ногах, в свою очередь, красовались невысокие бежевые каблук.

Вдруг из-за длинных накрученных светлых волос выглянуло её ангельское личико. Не то чтобы Като так казалось от яростной любви, просто светлый кремовый тон кожи, небольшие, но пухлые губы, ярко-голубые глаза, длинные ресницы и румяные кругленькие щечки создавали именно такое впечатление.

– Неплохо сегодня выглядишь. Что тебя сподвигло на это? – В заигрывающей и шутивной манере общения спросил Като.

– Неплохо?! Ты совсем что ли уже?! Ходи, старайся, наряжайся, и все это ради вялого «неплохо»?! – Воскликнула Анна, махнув двумя кистями в сторону и эффектно сверкнув неоновым, оранжевым маникюром.

– Полегче, ты же меня знаешь. На самом деле восхитительно выглядишь сегодня, правда. Как только тебя увидел, так сразу себе сказал: “Вон та красавица – явно она”, – уверенно заявил Каткема и аккуратно обнял ее за талию.

– Оохх, спасибочки. – Почти прошептала она и крепко прижалась к нему.

– Да не за что. Когда-то же мне твой внешний вид должен был понравиться, – подшутил в очередной раз Като, на показ, прикусывая высунутый язык.

– Ты не исправим! – Со вздохом произнесла Анна, не отрываясь от него.

Из-за сильных дуновений ветра на соседней детской площадке раскачивались скрипучие качели. Поначалу этот звук досаждал парочке, но затем они так увлеклись беседой и выделением гормонов, что перестали обращать на него внимания. Вся площадка освещалась фонарными столбами через каждые два метра. Каткема и Анна остались в тени, поскольку находились в зоне, где фонарь, как по заказу, не работал. Причем единственный.

– Чем сегодня занималась после учебы?

– Ой, сегодня забегалась, так забегалась. Еле успела подготовиться.

– Почему же так?

– Стесняюсь даже сказать, вдруг сейчас осуждать начнешь... – прятала взгляд Анна.

– Ты чего? Мне-то уж можешь довериться.

– Да я по дороге домой котенка маленького подобрала. Он у подъезда моего дрожал озябший... весь такой худенький, грязенький... кто-то его наверняка облил водой. Короче жалко мне его стало, вот и решила домой взять наперекор родительскому слову. Они у меня

кошек и собак не жалуют. Потом его быстренько отмыла, в подъезде поставила мисочку и накормила. Сейчас он там и поселился. Скорее всего, меня потерял. Ох, хоть бы мама его не прогнала, он же снаружи не выживет. – Волнительно лепетала молодая девушка.

Като подметил ее неподдельное переживание. Его до глубины души тронула эта история, Анна открылась для него совсем под другим углом.

– Почему же я должен тебя осуждать, скажи на милость?

– Ну... сказал бы, что я дурочка, домой ташу животных всяких, потом еще и на тебя их микробы переносу...

– Глупенькая, я даже рад, что ты так поступила. Это, как по мне, очень достойный поступок. Ты у меня умничка.

Она нежно заулыбалась и еще больше растворилась в объятиях Като, сейчас им было очень тепло и чудесно. Она рассматривала его узенький подбородок, слушала учащенное сердцебиение, разгоняющее кровь по бесконечному круговороту. Чешуа величественно и гордо смотрел вдаль, на мигающие огни многоэтажек, наслаждаясь редким моментом близости. Однако тишина и уединенность продолжались не долго.

– О, смотрите, уже тискаться начали, голубки! – Закричал еще издали Арти с подходящей вместе с ним кучкой людей.

Он шел вместе с Фролой за руку, а позади них был Зверь со своими друзьями, которые не учились в академии. Ничем они особо не занимались, собственно как и сам Зверь, только целыми днями слонялись по улице и зависали в компьютерных клубах. Като к ним относился предвзято и большого удовольствия в общении не испытывал, чего нельзя было сказать об Арти. Он был одним из самых общительных людей в академии, и новые знакомства появлялись у него ежедневно. Для чего ему нужно было столько, Като не понимал.

Внешний вид Фролы был далеко не оригинален. Артед же нацепил черную ветровку с бежевыми брюками; у него был достаточно малый гардероб, но то, что имелось в нем – всегда выглядело с иголочки. В первую очередь он заботился об имидже. Однако этого нельзя было сказать о Звере и его команде, чей вид складывался из потрепанных и выцветших, старых шмоток. Так, видимо, они хотели подчеркнуть и показать свой стиль. И на выходе, наверное, умышленно получалось что-то отвергающее.

Вся собравшаяся молодая толпа отправилась на ярмарку, которая располагалась на одной из главных дорог делового района. Для праздника всю улицу удосужились оцепить от автотранспорта. Гражданам было в удовольствие гулять по ровному асфальту, не боясь мчащихся на всех парусах гонщиков. Тем временем активно вечерело. Как только они добрались до места, то увидели развешенные повсюду оранжевые и красные гирлянды с восточными иероглифами, ряды палаток по обе стороны дороги, иностранцев с их быстрым и громким восточным говором. Заморские гости продавали свою национальную одежду, шелка, сувениры, алкогольные и безалкогольные напитки, устраивали конкурсы. Повсюду шатались циркачи, фокусники, танцоры, жонглеры и “живые” статуи. Все они смешивались с единым и мощным потоком Толлосувцев. Целый микрорайон был набит людьми, как селедки в консервной банке.

Анна шла с восторженным личиком, замечая все интересные вещи вокруг, и тут же показывала их Каткеме, который был тоже, как ребенок, по-настоящему счастлив. Подобную сказочную картину в Толлосусе далеко не каждый день можно было увидеть. Идущие же позади Артеда и Фрола перешептывались и без конца хихикали, замечая забавных восточников.

Вдруг до Като долетели возгласы друзей Зверя, которые всю дорогу тихо хихикали над Анной, а точнее над тем, как она по-детски изумлялась. Также в их перешептываниях нашлось место обсуждению фигур девушек, причем самыми грязными словечками. Последние фразы, к их несчастью, были произнесены неаккуратно громко.

– Эй, парни. Если еще раз услышу что-то подобное в её адрес, то уйдете отсюда с разбитыми носами, – дерзко, медленно и уверенно сказал Каткема, сжимая кулаки и вытаращив на них свои злостные глаза.

На его наезд ответа не последовало. Двое грубиянов лишь потупили свои головы вниз, делая вид, что не услышали Като из-за шума толпы. Женский защитник понял, что они остепенились, и дальше пошел уже молча. Зверю стало неловко за своих приятелей, а Фрола и Арти крайне удивились мужественностью Чешуа. Анна заулыбалась и ласково заморгала, глядя на Като, а он подмигнул ей в ответ. Шествие по ярмарке продолжилось.

Коренных южан, северян и восточников ребята могли видеть довольно редко. Все дело было в том, что Толлосус находился на береговой зоне центральной части материка, где происходило активное слияние всех рас и наций. Заморские гости по большей своей части тоже были улыбочивы и веселы. Они казались смешными из-за своего низкого роста и смешного говора, однако сами видели в посетителях ярмарки лишь ходячие кошельки.

Зверь был единственный из группы, кто замечал редкие хитрые гримасы восточников, а также видел, что многие узкоглазые, проходя в толпе, слишком часто терлись о прохожих.

– Эй, ребят, – окликнул он своих с настороженным видом.

– Что?

– Следите за карманами и сумочками, здесь вас обокрасть, как пить дать.

Ребята насторожились, но настроение, в целом, особо не покоробилось, просто ручки стали держать вещи чуточку крепче.

Зверь получил такое прозвище из-за цвета вороного крыла лохматой, обросшей головы, напоминавшей шапку. Многие не любили находиться с ним в компании из-за вечно грязных и сальных волос, наполненных крупными белыми вкраплениями перхоти и небрежно закрывающих торчащие уши. Он также всегда носил увеличительные очки, из-под которых вырос длинный орлиный нос, а под ним торчали противные редкие усики. Такая внешность совпала с его мягким характером, отчего кличка – Зверь очень иронично к нему привязалась.

Подобным образом проходили они пол часа. Напряженности между Като и друзьями Зверя не было, они плелись медленно в самом конце, постепенно отдаляясь от них все дальше. Кто-то купил себе сувениры, кто-то участвовал в конкурсах и дарил призы своим половинкам. Артед выиграл плюшевого тигренка, попав трижды дротиком по цели. Все парни хотели проявить активность, но, конечно же, не Като. Он смущался и считал это показухой, ну или же создавал такую видимость. Но здесь все было не так просто. На самом деле Каткема не любил соревноваться, потому что боялся остаться проигравшим, боялся опозориться перед людьми. Слишком уж много работы Чешуа над собой проводил, чтобы, как он думал, выглядеть достойно. Вечное сравнение себя с другими наполняло его неудовлетворением и заставляло лезть из кожи вон.

Вскоре они отделились от компании Зверя, который сам стал инициатором расхода. Парни даже не попрощались. И вот две молодые пары зашли довольные и радостные в кафе с традиционной кухней. Ребята заказали себе лапши, хотели узнать, как вкусно и исконно ее могут приготовить коренные восточники. Они сидели у окна за деревянным высоким столом, где в центре стояла пара свеч. Началась крайне оживленная, веселая беседа с наблюдениями за покинутой суетой снаружи. В основном, Анна, Арти и Фрола хохотали от шуток Като, который в определенных ситуациях генерировал их тысячами.

В процессе разговоров Като постоянно замечал, как Арти неестественно вел себя с девушками. Перед ним сидел словно другой человек, который вдруг надевал на себя маску приятного джентльмена.

“Зачем же так переигрывать и меняться в женском обществе?”, – думал Като, – “Хотя, может, это он – настоящий Артед, который только в подобном окружении может себя раскрыть”.

Однако заикливаться на этих раздумьях Чешуа не желал, сейчас он был слишком разгорячен. От Като исходила живительная энергия, а все за столом обхохотывались от пересказываемых им отцовских анекдотов. Ему было очень жаль, что такой жанр юмора стремительно терял свою популярность, поэтому он пытался его реанимировать при удобном случае.

– У меня папа тоже любитель анекдотов, особенно когда напьется. Не представляю, откуда он столько знает. – Сказала Фрола, еле упираясь локтями о стол. Ей как будто хотелось свалиться бесчувственным овощем.

– Мой тоooooooooоооже! – Добавила Анна.

Оживленный разговор ребят часто перекрикивался еще более оживленными возгласами и писком восточников с кухни, для которых было привычно говорить обыденные вещи на повышенных тонах. Вдобавок из-за избытка подсолнечного масла креветки жаривались с шумным шипением.

“Идиот, ты снова пережарил морского гада! Океан бы тебя распял за такое посредственное отношение к его дарам!!!”, – орал повар-восточник на своего ассистента, который сразу же ответил, – “Киншики-сан, такого больше не повторится! Но эти белые ублюдки и такого сожрут, вон какие радостные сидят”.

– А петь, точнее, завывать, не начинают, когда поддатые?

– Ооо, вот здесь ты попал в точку. У меня всегда кровь из ушей льется, когда мои предки всем столом хор устраивают, – продолжала истощенная Фрола.

– Это до или после того, как начинают вытаскивать все свои фотоальбомы?

– Да-да. Там и свадебные фотки, и школьные, и с походов на природу. Все гости еще постоянно начинают сравнивать меня с отцом. Разгорается дилемма “похож или не похож?”, – уже на все кафе горланил Като.

– У меня все то же самое! Я еще всегда ржать, как лошадь начинаю, когда вижу, как нелепо они раньше одевались. – Продолжала мычать Фрола.

– Давай пять! – Подхватил единственную с ней общую вещь Каткема. В остальное же время диалога между ними не происходило.

Они хлопнулись ладошками, а Анне это явно не понравилось. Блондинка гневно нахмурилась, отвернула голову и слегка отодвинулась от Като. Так как они сидели в обнимку, руки Каткемы стали сильно вытянуты в сторону, что создавало дискомфорт. Чешуа попытался словить ее недовольный взгляд, но ему не удалось. Като понял, что к чему, но извиняться не желал, по его мнению, он ничего похабного не сделал.

Артед тоже затаился в молчании, но из-за другой вещи. Он пригорюнился, когда ребята стали говорить о родителях. У Арти не было отца, поэтому ему было больно слышать, как Като с Фролой обсуждали вещи, которые на самом деле символизировали благополучие в семье. Арти желал хотя бы на миг испытать те же чувства.

Вдруг все резко обратили свои взоры на висящий в углу обеденного зала телевизор, в прямом эфире шел репортаж о портовом районе. Там творилась какая-то чертовщина: за десятиметровыми бетонными стенами, отделяющими эту неблагополучную местность от всего остального города, вспыхивали большие клубы дыма и слышались частые подрывы машин. Ведущий репортажа сразу дал понять, что вооруженные силы Толлосуса уже оцепили территорию рядом с портом и эвакуировали всех гражданских. К счастью, пострадавших не было. Вдруг во время прямого эфира из-за стен полетели бутылки с горючими смесями и чуть не попали на офицеров, не долетели всего пару метров. Полицейские выставили щиты и стали отходить назад, но коктейли продолжали вылетать один за другим. Репортер еле выговаривал слова – его губы дрожали, а в речи чувствовался страх. После того, как полицейские стали в ответ выкидывать дымовые шашки и выстреливать слезоточивым газом, портовики будто затаились. Тут же копы организовано разбились по несколько человек и создали “квадраты”, то есть выставили щиты по сторонам и над собой. Они ожидали, что сейчас полетят стрелы,

но, к счастью, этого не произошло. Началось затишье. Репортер замолк в напряженном ожидании. Снова резкий грохот. Камера задрожала, завертелась и затряслась. Шум от взрывов. Лязг металла. Вновь битие стекла и душераздирающий, громкий крик. Картинка наконец-то застыла на месте – оператор лежал на асфальте и неосознанно продолжал снимать происходящее из-за угла. Бойцы СБТ отступали и бросали в ответ дымовые шашки, а их с еще большим напором забрасывали коктейлями, поджигающими стеклянные прямоугольные щиты. Копы с ужасом и трепетом выкидывали skutумы. Но не всем так повезло. Ближайшим к стене семейным полицейским прямо под ноги прилетело несколько горящих бутылок, которые мгновенно полыхнули. Камера не могла передать резкий запах горячей плоти, но пронзительный звук крика очень даже могла. Руки оператора нервно тряслись. Пламя полностью окутало тела тех семи бойцов, они побросали свои каски и начали хаотично кружиться, отмахиваясь руками. В их предсмертных воплях прорезались слова “Спасите! На помощь! Горю!”, отчего у всех посетителей кафе встал ком в горле. Вдруг в этой суе раздался свист летящего на полицию града стрел. Горящая пелена стрел осветила на мгновение вечернее небо и принялась тушиться, впинаясь в землю и людей. Некоторых ранило, некоторые погибли, другие же смогли укрыться. Огненная хватка сразу нескольких стрел нагрела клапан плохо закрепленного гидранта, отчего крышка с визгом слетела, дав выйти на волю мощной струе воды. Она хлынула с фланга прямо на правозащитников, сбивая их с ног. Струя добралась и до некоторых горящих бойцов, смывая пламя и сдирая обугленную кожу. Снова настала относительная тишина. Стрелы прекратили вылетать, а гидрант закрыли plombой. Стало слышно, как за стеной толпа портовиков отбегала назад, дальше к океану, оставив позади моногамный звук потрескивающего костра. На этом агрессия из-за стены прекратилась.

Ребята и другие посетители в ужасе наблюдали за происходящим и благодарили судьбу за то, что они здесь, а не там. Анна и Фрола прикрыли от шока рты, а Като с Арти чуть не выдрали все волосы на голове. Официанты и повара на своем языке начали что-то быстро и нервно тараторить. Все обиды между Анной и Чешуа вмиг исчезли.

– Ужас! – Лепетали девчонки.

– Что за чертовщина? – Выругался со страхом на лице Арти, – почему до сих пор этот проклятый порт там стоит? Почему его не снесут к чертовой матери?

– Черт их знает, – ответил Като очень встревоженно, – за обычными людьми глаз да глаз следят, а на настоящем поле боя бездействуют.

– Наркотрафик, торговля оружием и людьми, видимо, для города мелочь. А что насчет их банд? Хотя они и многочисленны, но совсем неорганизованные по сравнению с СБТ! Зачем их бояться!? – Продолжал вопить Арти, сжимая руку Фролы и треснув вилкой по тарелке.

– Видимо, загадка Вселенной. Да и чёрт с ними, главное чтобы нас туда воевать не отправили, – сказал Като и устремил свой взгляд в сияющие цветом кристального океана очи Анны. Его же ореховые радужки ясно отображали переживание.

Анна прижалась к Каткеме, как новорожденный ребенок к своей матери. Через минут десять они снова развеселились, доели вкусный рамен и, оставив небольшие чаевые, собрались уходить. Артед поглядел на почти темное небо, и ему в голову пришла одна очаровательная идея.

– Ребята, быстрее пойдем, я вам кое-что покажу. Думаю, всем понравится, – сказал Арти, взял Фролу за руку и потащил ее сквозь толпу. Като и Анна же бросились вслед за ними, тоже машинально сцепившись руками.

Курсанты ловко прошмыгнули сквозь толпу и по переулкам вышли на другую улицу. Все улыбались в искушении предстоящего сюрприза от Артеда, пока тот не занырнул сквозь дыру в одном из сетчатых заборов, скрытую заросшей травой. Анна совсем запыхалась, но Чешуа продолжал помогать ей и подтаскивать вперед, хотя сам был также на последнем дыхании. Они попали во внутренний двор элитного пятиэтажного дома. Ребята побежали вверх по лестнице

одного из подъездов, где на пятом этаже был секретный открытый люк. Все без труда забрались на крышу. Легкий адреналин покалывал сердца девушек, но им это даже нравилось. И по итогу, об увиденном никто не пожалел. Перед курсантами открылся шикарный вид горячей желтыми и красными огоньками улицы, напоминавшей сказку, которая будто бы уходила вдаль к океану и плавно сливалась с лиловой линией горизонта. Изумительный закат и потрясающая атмосфера заморозила четырех курсантов. Парни обняли своих дам и глядели вперед, вдыхая освежающий ветер, несший свободу и ближайшие перемены. В ребятах зрело чувство, будто они, как вольные птицы, могли целую вечность наслаждаться своей молодостью и беззаботностью.

Вдруг все недовольство, неприятие и даже отторжение, которое носил с собой на постоянной основе Каткема, испарилось. Он смог полностью отдаться этому забвенному моменту, испытывая невероятное счастье и блаженство. Все это полностью очистило юные умы, оставив в их разуме лишь благодатную тишину.

– Наша жизнь прекрасна, друзья, – торжественно заявил Артед.

– Великолепна! – Подтвердил Чешуа.

– Вот бы она не менялась, – сказала Фрола, улыбаясь.

– И никогда не меняла нас, – добавила Анна, смотря на Като и еще крепче обнимая его.

Парочки попрощались друг с другом, и парни пошли провожать своих дам. Оказалось, что Като и Анна жили в одном районе, а между их домами было всего лишь около двухсот метров. Странно, что они никогда не видели друг друга, видимо, всегда ходили разными путями.

Каткема медленно шёл с ней по узкой брусчатой дорожке, наблюдая за звёздами, которые усеяли все ночное небо. Это было так красиво и очаровательно, что Чешуа на время не слышал быстрый и бессмысленный трёп Анны. Шли они медленно еще и из-за того, что двигались по одному из самых крутых подъемов.

– Тебе понравился вечер? – Спросила она, откидывая свои соломенные пряди с лица.

– Да все было шикарно, за исключением выпуска новостей, конечно, – и, заметив погрузневшие глаза Анны, добавил, – мне было очень приятно находиться в компании с такой милой и очаровательной девушкой.

Её лицо сразу же преобразилось.

– Ты заметила, как Арти ведёт себя с Фролой? – Спросил уже сам Като.

– Нет, как?

– Мне кажется, слишком наигранно, слишком пафосно, слишком хочет из себя какого-то кавалера показать. Будто рыцарь своей возлюбленной добиться хочет. Это так нелепо выглядит. Я просто усмехался про себя и в то же время чувствовал какой-то стыд за него.

– Сам ты нелепый, всё он правильно делает. По-мужски! – С претензией воскликнула Анна, – это ты, как чёрствый сухарь, вечно ходишь и пальцем не пошевелинешь ради девушки.

Каткема просто взорвался от смеха внутри себя и еле сдерживал эмоции. Сейчас он именно что и делал, так ровным счётом ничего, хотел только порезвиться, пофлиртовать чутка, но не более того. Като понимал, что ему с ней даже особо не о чем разговаривать, поэтому о всяких извинениях и унижениях не могло идти и речи.

Анне же было крайне обидно, что уже как несколько лет она активно следила за своей внешностью и желала, чтобы ее оценили. А все же лавры доставались еле приметной Фроле, которой не приходилось все детство терпеть нападки из-за лишнего веса, а затем не приходилось заниматься спортом до такого состояния, что от прошлой фигуры не осталось и следа. Это, и правда, было очень обидно.

Каткема не стал вступать в открытую и, наверняка, болезненную для нее конфронтацию. Он умел вовремя замолчать.

“Да пусть катится к черту со своими тупыми претензиями”, – подумал Като. Надо было как-то разрядить обстановку, и ему снова пришлось исхитряться, изворачиваться, смешить её,

чтобы белокурая успокоилась. И на самом деле, весь этот циклически повторяющийся процесс доставлял Каткеме море удовольствия. Наверное, от того, что он чувствовал себя профессиональным и остроумным манипулятором, но, по сути, оставался тем же балбесом, как и всегда. А в некоторых моментах Като был и вовсе очень низок из-за своей гордости и тщеславия. Но что самое грустное, он не замечал этого.

Чешуа старался не переходить грань в общении с ней, чтобы впоследствии сильно не ранить хрупкие чувства. Он старался лишь закрыть собственный пробел одиночества хоть кем-нибудь, пусть это было даже временно и не по-настоящему. Като предполагал, что это жестоко, но чахнуть и засыхать без общения с противоположным полом для него было невыносимо. Каткема не понимал, что даже малое проявление ложных чувств может оказаться сильным ударом с душераздирающими последствиями.

Тем временем они подошли к её дому. Вдруг голубоглазая остановилась у густого зеленого кустарника, полностью скрывающего их. Като понял, что к чему, и решил действовать решительно.

– Сегодня день насилия какой-то. То Власа избили, то те дикари решили из своей дыры вылезти. – Грустным голосом сказала Анна.

– Да, та ещё жесьть. Как хорошо, что с нами сегодня ничего плохого не произошло, а самое главное – с тобой.

– Ой, как будто ты обо мне хоть чуточку переживаешь...

– Не чуточку.

Проговорив тихо последние слова, Като придвинулся к ней поближе и тут же добавил:

– Таковую прелесть надо любить и защищать. Мне очень повезло, когда я встретил тебя в первый раз, – шептал он, не отрывая от нее глаз и едва шевеля потрескавшимися от ветра губами.

– А ты, оказывается, умеешь делать комплименты, – игриво проговорила Анна, тая во взгляде Каткемы.

– Завтра на практике, на улице мой взгляд будет прикован только к тебе. – Проговорил он, осознавая, насколько убого это звучит.

Но ей даже нравилось. Они оба частенько поглядывали по сторонам, смотрели, чтобы никакой прохожий не нарушил их приватной обстановки. Телефоны у обоих, как полагается, были на беззвучном режиме. Като несколько раз своим орлиным зрением заметил, как у их ног прыгали крохотные лягушки от кустика к кусту. Но он не стал ничего говорить, ибо не хотел разрушить романтический момент и пугать девочку, которую и так бросало в дрожь от выкриков какой-то бабки. Она орала из окна на своего мужа, который был пьян в стельку и не мог себя пересилить, чтобы встать со скамейки. Каждая такая попытка заканчивалась для него падением на бордюр.

– И я тоже буду наблюдать только за тобой. – Промолвила она в ответ.

– Ну, ради такого зрителя стоит выложиться на все сто двадцать процентов. Спасибо большое тебе за вечер. Без тебя он был бы таким же серым, как и все остальные. – Говорил он с напыщенной сентиментальностью, наблюдая, как девица, словно майский цветочек, распускалась.

Через секунду Като резко притянул её к себе, крепко обнял за талию и страстно поцеловал в губы. Как и ожидалось, Анна не противилась, так как уже сама заждалась. Она тут же обхватила его лицо и шею своими крохотными ручками, все это под звуки слипавшихся губ. В полной темноте они могли лишь довольствоваться очертаниями контуров своих лиц. Но, закрывая глаза во время поцелуя, различные образы вспыхивали красочно и четко.

Молодые и беззаботные наслаждались минут пять. Затем Каткема довел ее до подъезда, где они мило попрощались и разошлись с грустными и приятными мыслями одновременно. Като, довольный, что достиг своей цели, но опечаленный тем, что им не удалось простоять

у того кустарника подольше, пошел домой отсыпаться за всю прошедшую неделю. Чувство удовлетворения не покидало его до самого сна.

Всё воскресенье он провел, помогая родителям по дому и занимаясь домашней работой. Её в академии было тоже хоть отбавляй, начиная от гуманитарных заданий и заканчивая естественными. В социальной сети – “Толлограм” от Анны целый день сыпались сообщения. Их было так много, что уже к середине дня Като отключил смартфон.

Глава 4. От суставов к голове

В понедельник Каткему в академии с нетерпением ждали три пары. Уже с утра продолжалась беспощадная семидневная жара, а вдобавок было еще и абсолютно безветренно. Такая погода создавала подавленное состояние у всех жителей полиса, в том числе и у Каткемы, который чувствовал себя даже после хороших выходных высушенным. Артед договорился встретиться с Като до начала занятий, и Чешуа сразу понял, что от него требовалось. Всю дорогу в академию он по видеосвязи разговаривал с Анной.

– Тебя попросить еще вчера хотела, но ты не доступен был, как обычно. – Озлобленно начала она “запевать старую песню” по не очень качественной связи с множеством посторонних шумов, легко вызывающих мигрень.

– Да сколько раз могу тебе повторять, не было у меня вчера настроения!

– Почему не было? Я что ли поспособствовала?!

– Нет... черт, ты то тут причем? – Застонал Каткема, скривив злобно лицо.

Ему не нравилось, что, белокурая постоянно отвлекалась на посторонних лиц во время разговора.

– В смысле причем??? – поджала она гневно пухленькие губки. – Хорошо. Значит, я тебе, как всегда, до фонаря.

Каткема остановился в тени в одном из дворов под деревьями, где из пеньков были вырезаны забавные рожицы с большими улыбающимися ртами и длинными торчащими носами. Они смотрели на Чешуа будто с издевкой и насмешкой. Курсант воспринял это как знак и поймал себя на мысли, что ему будет лучше сейчас успокоиться и перевести дух. Необходимо было прекратить конфликт на стадии зародыша. Он выждал небольшую паузу, отпустил гнев, развеяв его по ветру, и со спокойной душой принялся разговаривать дальше. Като попытался зарядиться позитивом и хорошим настроением, внимая энергию жизни из всего вокруг. Вроде бы даже получилось.

– Нет, конечно! Не смей так даже думать! Чем же моя “принцесса” вчера занималась?

– Да особо ничем важным. Валялась, убиралась, короче – отдыхала, – она сразу же заулыбалась и принялась радостно рассказывать про свои беззаботные выходные, но связь начала тормозить еще сильнее. Ее слова доходили с рублеными паузами.

– Понял, понял. Умница, отдыхать тоже надо уметь, тем более после такой-то тяжелой недели. – Порадовался за нее Чешуа с искренним видом, хотя его чувства были далеки от таковых. Ничего тяжелого в ее учебе Чешуа не видел.

Она ему говорила что-то в ответ, но Като не мог ничего разобрать и уже кричал в телефон, где зависло застывшее в несуразной позе лицо блондинки. Тем временем Каткема уже дошел до входа в академию, где навстречу ему попался Артед с улыбкой до ушей. Чешуа специально не отрывал лицо от телефона и продолжал идти с важным видом вперед.

– Салют интровертам! – Резко подскочил Артед и бурно поприветствовал его, крепко здороваясь двумя руками.

Иногда его пробивало на театральное кривляние перед толпой. Като прекрасно замечал подобные моменты, но в этот раз решил остро не реагировать. Те деревянные рожицы еще сидели в его памяти.

– Добрый день, мистер пивной бочонок, как вы поживаете? – подметил Като фигуру своего приятеля, с трудом засовывая смартфон в узкий карман брюк. Гаджет не пролезал, поэтому пришлось подергать его по сторонам. Пара швов разошлась, и образовалась небольшая дырка.

– Эй, между прочим, я пиво бросил пить! Дело за малым, осталось бросить курить, – вопил возмущенный Артед, но он перекрикивался двумя парнями у входа, которые спорили, кто кого чаще угощал за неделю сигареткой.

– А что ж ты тогда куришь по пять штук в день? Ты же уже бросал дней десять назад.

– Да... мне вообще нормально было, не тянуло совсем, как огурчик себя чувствовал. Просто вчера с сеструхой и матерью поругался... прям тяга появилась на балкон выйти, перекурить, чтобы легче стало. От плохих моментов никто не застрахован. – С жалобным видом рассказывал Арти, проходя через турникет и подставляя в сканер свою ладонь.

Охранник сидел в углу входа и сладко спал, накрывшись газеткой. Все равно толку от него было никакого.

– Понимаю, понимаю. – Говорил Каткема с той же наигранной интонацией, как и пару минут назад с Анной.

Он снова хотел поддержать старого товарища, однако порицал его слабохарактерность; для Като вообще было непонятным стремление закурить после каждой словесной перепалки. Каткема прекрасно знал, что его низкорослый друг все свободное время лупился в онлайн-игры, орал на всю квартиру и жрал чипсы. Возможно, это и послужило спусковым крючком для его родни, чтобы хорошенько проесть все мозги молодому тунеядцу. Чешуа не стал напоминать про его дурные привычки, ничего путного не последовало бы. Однако у Като часто чесался язык, чтобы сказать Артеду, что бесполезный компьютер пора заменить полезным чтением. Пару раз они уже разговаривали на эту тему, но как оказалось, вечный сосед по парте до ужаса не любил чтение.

Однако сам Чешуа не мог понять Арти из-за одного отличия между их ролями в семье. Артед был главным мужчиной в доме. Он рос без отца, который умер, когда пареньку было еще только два года. На юнца повесили слишком много различных, ответственных обязательств, отчего теперь уставшая психика нуждалась в постоянных вредных привычках по типу курения или постоянного жевания.

Като начал подставлять руку к сканеру, но его ладонь раз за разом не считывалась. Он чертыхался и уже колотил рукой по аппарату, так как задерживал целую очередь нервно вздымающихся позади. Арти ехидно хихикал, пока Като, наконец, не прошел.

– Ты, надеюсь, с ними все-таки помирился?

– Нет, каждый остался при своем, к общему согласию не пришли и к примирению тоже.

– Ты не извинился?

– С чего я должен извиняться? В этой ситуации я был однозначно прав, я же тебе сути так и не рассказал, – вскипел немного Артед, скривив лицо от возмущения так, будто уже часа три подряд не мог опорожниться.

– Я понял тебя. – Сказал тихо Каткема, который уже устал слышать нытье друга, и ему, по существу, уже было плевать. Ему все это казалось мелочным.

– Кстати, насчет помощи. У Фролы послезавтра будет день рождения, и мы с Анной заказали для нее пятьдесят одну красную розу. Хочу подарить ей ровно в полночь. Завтра после учебы, в четыре часа, мы должны были их забрать на цветочной базе на западном перекрестке, который в центре. Но, блин, мы с твоей fifой забыли, что договаривались опять же вместе с Фролой забронировать места в ресторане в это время. Поэтому ты нам нужен. Помоги, пожалуйста, забери цветочки. – С совершенно серьезным видом просил Артед о помощи, шуточки резко ушли в сторону.

При этом Арти часто отвлекался, чтобы помахать рукой и поздороваться с самым разным контингентом начальных и старших курсов. Като же шел как привидение, его никто не замечал и не знал. Только некоторые девочки начинали шушукаться, замечая этот объект с красивой внешностью.

Каткема в течение всего разговора не замечал, что из-за красного шкафчика на него с очевидным любопытством поглядывала очаровательная русая девушка с миленьким, красивым, миниатюрным личиком и с очень добрыми большими глазами. Она зашнуровывала ботинки и

аккуратненько вытаскивала голову, чтобы поглядеть на незнакомого высокого молчуна рядом с низким и кряжистым болтуном.

– Да, конечно, без проблем, заберу.

“Друзья на века” дали друг другу пять и пошли на занятия. Каткема запросто согласился, так как свободного времени у него было навалом. Хоть Като и пытался всегда заниматься чем-нибудь полезным, но основного занятия, кроме учебы, у него не было. Очень часто Чешуа ощущал себя, мягко говоря, бесполезно, больше дрейфовал и плыл по течению. Мнимое саморазвитие никаких результатов не давало, а вот тут нарисовалось дельце, где можно было сделать что-то поистине стоящее.

В учебной аудитории сидеть снова было невыносимо. Кондиционеры не справлялись с жаром палящего солнца. Первой шла пара – “История военного искусства”, где рассказывали про ведение войн в древности. Каткеме было очень интересно, он узнавал много нового, да и преподавательница так увлекалась своим интересным рассказом, что строчила мелом без остановки, иногда царапав доску с невыносим режущим звуком. Затем шли “Основы автоматизированных моделей”, что для всех было скукой смертной. Более того, преподаватель картавил так, что до ушей курсантов долетали лишь четыре буквы из десяти.

Като сидел, опершись подбородком на одну руку и натянув щеку до невозможности. Мыслями он, как всегда, был где-то далеко. Артед же чтобы занять себя, писал всем подряд в Толлограме.

Последней парой у них была как раз-таки практика того военного искусства. Все на том же огромном стадионе, скрывающим под травой тонны пыли, они отрабатывали элементы обороны и нападения с щитами. Так как, в основном, использовались skutумы из прочного, но тонкого стекла, даже самые слабенькие курсанты поднимали их без труда. Работали по пять человек, Като, к его великому сожалению, определили к Лансу и Келлепо. Где-то сорок минут они беспрерывно отрабатывали движения и заучивали тактические ходы.

На тренировке курсантам было положено орудовать исключительно полицейскими универсальными дубинами, как и всем полицейским самого низкого ранга. Когда все уже порядком подустали, старший надсмотрщик – Януш решил добавить в занятие немного реализма и объявил о начале “натуральной” практики. Всё, чему научились за все время курсанты, должны были использовать сейчас друг на друге. Предстоял первый настоящий спарринг. Помощник Януша – заместитель Мюрг, рябой невысокий брюнет с вечно засаленными волосами, ехидно улыбался, как впрочем, и каждый раз, когда старший надсмотрщик жестко обращался с изнеженными курсантами.

– Так, дармоеды, сейчас ваше сальце мы хорошенько отобьем! – Януш не скрывал удовольствия, говоря это и расстегивая пожелтевшие от пота манжеты своей голубой рубашки.

Сегодня он, видимо, где-то забыл свою рабочую одежду, и поэтому был одет по классике, которую без труда был готов замарать ради показа упражнений. Сегодня у него, на редкость, было хорошее и болтливое настроение.

Два мужских потока в шеренгах ровненько выпрямились. А в горячем пыльном воздухе повисла тишина.

– Молодцы, молодцы, дармоеды, загляденье! Какие послушные стали! Не то, что вначале месяца, как стадо неотесанных баранов... Смирно! – Во всеуслышание голосил главный надсмотрщик, задрав гордо подбородок. Мюрг же на секунду отвлекся от процесса, заметив, что измарал свои белые боты в кошачьем дерьме. И всю дальнейшую речь Януша ему пришлось пропустить, вытирая ноги об траву.

Вся шеренга вмиг и в такт повернула голову направо.

– Этот спарринг может показаться для вас довольно-таки жестким и пугающим, но не обольщайтесь, по сравнению с настоящим боем – это лишь детские игры! – Януш ходил вдоль выстроившихся салаг, скрестив руки за спиной и опустив голову от яркого солнца. Вдруг он

резко остановился и посмотрел одному курсанту в лицо. – Был бы это реальный бой, любой житель порта с легкостью зарубил бы вас, как свиней. Так ведь? А, боец?

Януш приблизил лицо к темнокожему пареньку настолько близко, насколько ему позволяли рамки личного пространства, и начал орать, выплескивая литры слюней. Однако ни один мускул на лице паренька-южанина не дрогнул.

– Так точно, господин старший надсмотрщик! – Закричал в ответ курсант, не шадя головные связки.

– Не ори на меня, салага, пожалей мои перепонки. – Засмеялся Януш, отходя к другому пареньку. – Как свиней, да?

– Так точно, господин стар... – не успел закончить курсант, как его тут же перебили.

– А меня, курсант, зарезали бы эти уроды с той стороны стены?

– Никак нет, господин! Враг бы сдался незамедлительно из-за вашего внушительного вида, а от ваших боевых навыков и умений он бы пал замертво! – Уже тише, но с энтузиазмом ответил один из активистов, который всегда был готов подмазаться к преподавательскому составу.

Его ответ понравился Янушу, и он с удовлетворенным лицом направился дальше, уже не смотря на молодежь. Только разок остановился и показал на одного пальцем со словами: “А ты как считаешь?”

– Полностью согласен с его словами, сэръ! – Подлизался еще один.

Сэръ расхаживал дальше, одобрительно кивая головой, сам себе на уме. Все курсанты старались не издавать ни единого звука. Лишь редкое шмыганье Артеда, да сопение другого паренька нарушали гармонию.

– И не жалеете ваших дружков! Их униформа выдержит, а вот у вас даже дополнительная защита, со сверхпрочным щитом-то. На поле боя на вас будут яростно нападать враги, намереваясь снести голову напрочь! Так что вы должны быть полностью готовы к такому раскладу, – грозно скомандовал Януш, красуясь седой бородой и желтыми кривыми зубами.

У всех пробежала дрожь по телу. Даже несмотря на то, что у них имелся прочный шлем со стеклянным визором, кожаные перчатки с вырезами для всех пальцев, капритоновые черные щитки, вшитые в штаны и длиннорукавку темно-синего цвета. Эти щитки были легкие и чертовски прочные. Очень повезло ребятам, что на их веку создали уникальную смесь углепластика и металла. Но пластины, не являясь одним целым, частенько терлись друг об друга и иногда не давали спокойно стоять даже в базовых положениях.

– Так вы, пятёрка с поганцами, будете стоять против пятерки Мусалима. Начнете со статичного квадрата, потом поменяете элемент по свистку... – С удовольствием и злобной ухмылкой заявил Януш.

Каждый раз, когда он щерился, курсанты с отвращением хотели отвернуть голову, но из-за команды “смирно” не могли. Вид кривых, как деревенский забор, зубов и несвежий запах изо рта заставляли внутренние органы сворачиваться в клубок и вылезать из всех щелей наружу. Под конец фразы Мюрг наконец-то до блеска натер свои ботинки.

– Отлично сказали, командир, впрочем, как и всегда.

– А? – Не расслышал старший преподаватель.

– Отлично сказали, командир, показали этим неженкам, как ведутся дела на службе. – Продолжал подхалимствовать Мюрг, не смывая полу-искреннюю улыбку с лица.

– Благодарю за добрые слова, заместитель. – Януш радостно хлопнул рябого низкорослика по плечу, которое чуть не оторвалось.

В этот момент Мусалим и его компания из второго потока загорелись нехилым интересом. Он невзлюбил Келлепо с Лансом еще давным-давно, а после новости о субботнем избииением ими Власа, так и вовсе жаждал справедливого возмездия за паренька.

Мусалим был корнями с ближнего востока. Об этом говорило его имя, смуглый красноватый цвет кожи, черные, как мгла, глаза и такие же волосы, которые были аккуратно по-спортивному подстрижены. Фигура у него была далеко не самая атлетичная, плечевой пояс далеко не самый широкий, да и рост составлял примерно метр семьдесят пять. Но то, что было подарено природой, он развил отлично. Тело было очень жилистым, а организм выносливым. Лицо же постоянно выражало строгий боевой дух.

Януш, разумеется, узнал про тот инцидент с Власом, и с удовольствием прозвал шайку-лейку Ланса “засранцами”.

– Ну и урод! – Рывкнул Келлепо и смачно плюнул в сторону, пока Януш отошел к выбежавшей на стадион стройной секретаршей.

Она подбежала к старшему надсмотрщику, все время поправляя поднимающуюся наверх облегающую юбку. Как это обычно происходит, ей срочно понадобилось, чтобы Януш проставил несколько важных подписей в документах. Она уже привыкла делать все дела в последнюю секунду, так что оставалась довольно спокойной.

– Псина старая! – Добавил Ланс, ехидно облизывая высохшие уголки рта. – Кел, у тебя жвачка сейчас не при себе?

– Чего? – Не услышал его друг. Ланс стоял от Кела через два человека, среди которых был и Като.

– Жовка есть, спрашиваю?!

Кел снова не услышал, он лишь отрицательно покачал головой и прищурился.

– Хрен глухой, – огрызнулся Ланс. – Жовка, жовка есть?

Блондин кипел и уже чуть ли не орал своим хриплым голосом. Януш дал команду разомкнуть шеренгу и собраться по пятеркам. Ланс наконец-то подошел к своему другу и уже точно дал понять, чего он желал.

– Пожевать, говоришь, хочешь? – Усмехнулся Келлепо, лукаво ухмыляясь и показательно жуя мятную резинку.

– Дааа, от меня спиртом за километр несет. Вчера с батей на юбилей у тетки с паленой водкой оба перебрали. Думал, все тютельница в тютельку будет, но нет... С утра дикое похмелье, и сейчас еле отхожу.

В памяти у Ланса снова всплыл вчерашний вечер. Там отец снова твердил ему одни и те же вещи. Родители всю жизнь держали его в ежовых рукавицах, требуя успеха абсолютно во всех сферах жизни, от спорта до учебы. Разумеется, с возрастом сыну совсем осточертели все эти родительские наказания. Именно поэтому он сейчас пытался на всех оторваться за свою обиду.

Только вот жалостью Кела он не взял. Южанин смотрел на него все с той же лукавой и предвзятой ухмылкой, на показ играя жевательной резинкой меж зубов. Он глянул на Ланса с небольшой паузой, а потом просто плюнул белым шариком в сторону.

– Нельзя на уроках физической культуры что-либо жевать. Опасно! – Заявил Кел и ушел в сторону, оставив друга, как ребенка, перед которым потрясли конфеткой.

Пока Януш молча распределял других курсантов, Като пытался равномерно распределить страх и волнение внутри себя. У него не получалось. Холод, возникший из ниоткуда внутри Каткемы, затмил собой все другие ощущения, включая мигрень от солнцепека. Все вокруг него теперь казалось очень медленным, секунды тянулись издевательски долго. Чешуа повернул голову, огляделся на соперников – обычные, уже привычные ему ребята сейчас казались смертоносными и безжалостными.

И вот прозвучал долгожданный свисток. Ланс, Кел и Каткема приготовились. С ними еще был парнишка без одного переднего зуба и рыженький невысокий хлопец, по имени Рифэль, с лицом, беспощадно усыпанным веснушками. Рифэлю, судя по худощавой внешности, предстоял еще очень долгий путь становления настоящим воином. Ребята собрались в крепкий и целостный квадрат без единого слабого места. За две недели они научились составлять

скутумы, как самые матерые вояки. Рифэль держал щит сверху, а Като и остальные выставили по бокам. Прошло еще пару затяжных мгновений. Каткема сразу смекнул, насколько тесно и жарко сейчас будет. Пот лился рекой. Условия были нечеловеческие, но им их никто не обещал. Ведь они были будущие солдаты, расходный материал.

Ребята не заставили себя долго ждать. Первым подбежал Мусалим, от каждого шага которого с земли поднимались невысокие столбы пыли. Он с прыжка влупил дубинкой по верхнему щиту, и сразу, приземляясь, ударил ногой по лицевому барьеру. Тут же появились его дружки и начали налетать на хилый стеклянный домик со всех сторон. Их удары и налеты всем телом были мощными и резкими; они не жалели сил и вкладывались всем весом, устраивая обороняющимся настоящее сотрясение. Парни по другую сторону стекла с тяжестью сдерживали ожесточенный прессинг. Страх пропал, остался лишь чистый адреналин, делающий тело легким, а голову свободной от всех мыслей. Като держал щит изо всех сил и при каждом сотрясении сквернословил. Он немного пятился назад, но потом резко возвращался на позицию. Далеко отлетать-то не удавалось, так как сзади, к центру клетки отлетали еще трое. Было очень неудобно и тесно, но каждый, даже те задиры, не сдавались до последнего.

Тут с левого края ударили дуплетом, парня без зуба аж сбilo с ног, но свои тут же подтолкнули его изнутри на место. Подобные атаки пошли со всех сторон, но “поганцы” продолжали стоять на ногах. Уставшие и изможденные. Каткема время от времени кричал от усилий и ярости, словно воин, борющейся за собственную жизнь в последней битве, в прочем, как и остальные ребята. Парни бранились всей нецензурщиной, какую только знали, особенно когда разбивали друг об друга губы и носы. Като, то и дело, получал ссадины и синяки, но боли практически не ощущал, она поджидала его позже. Бедняга Рифэль уже не чувствовал свои забившиеся плечи и руки, которые держали бешеную, дергающуюся крышку.

Солнце, ярко освещающее академию, заставляла кожу курсантов блестеть и искриться, обнажая все кровоподтеки и посинения. Оно беспощадно слепило ребят, заставляя жмуриться и смотреть на мир сквозь узкую щелочку, к чему они, кстати, давно привыкли.

Каткема уже не мог выносить эту пепелящую звезду, это яркое желтое отражение от земли и соратников. Он молча мечтал об освежающем дожде и об огромных черных тучах на весь горизонт. Неизвестно откуда, Чешуа находил в себе силы продолжать.

– Да сколько же в них дури. Когда они устанут?! – С режущей сухостью во рту рывкнул Като. Он дышал, как лошадь после пахоты. Его глаза словно в замедленной съемке наблюдали, как оппоненты собирались с силами и вот-вот принимались нападать. Остальные курсанты и преподаватели перестали существовать на время.

Нападающие, конечно, тоже выдохлись, но ненависть к Лансу и Келлепо, видимо, была сильнее усталости. Каждый удар по ним, доставлял команде Мусалима огромное удовольствие. Они сменили тактику, решили ещё яростней и более слаженно долбить именно крышку коробки. Оппоненты замечали, что она проседала. Рифэль прогибался каждый раз и, казалось, что сейчас упадёт. Он еле стоял на ногах.

– Держись! – Что было мочи кричал ему Каткема.

– Если упадешь, сука, все ноги переломаяю! – Заорал трясущейся Кел, разбрызгивая слюни по всему стеклянному щиту.

Рыжеволосый сдерживался из последних сил, и тут свисток. Прошло всего десять минут.

– Теперь квадрат пытается передвигаться. Вперед! – Сказал главный надсмотрщик, ехидно улыбаясь, и снова свистнул.

Януш с наслаждением смотрел на такого рода тренировку, он обожал насилие, обожал противоборство. Смотря на свору неподготовленных пока еще курсантов, Януш то и дело плевался в стороны, отворачивал разочарованно голову и закрывал лицо своей огромной ладонью с длинными, не стриженными ногтями. Уборщики, чистящие стадион, то и дело останавлива-

лись и смотрели на курсантов. В них зрело это прекрасное чувство безопасности, им ведь не приходилось мучиться под невыносимой жарой и гнетом седого грубияна.

Тем временем Като проникся сочувствием к Рифэлю и решил пожертвовать своими силами, поменявшись с ним местами. В противном случае крышу бы им точно проломили.

– Молодчик, сдвинул дохляка! Ну что, погнали! – Приказал Ланс, машинально накинув на себя звание капитана их маленького отряда.

Они шли и видели, что их оппоненты уже не могли держать оружие в руках, поскольку не могли отдышаться.

– Эй, вы! Быстро налетели на “поганцев”! – Закричал Януш, махнув на них своей ручищей и злобно выкатив нижнюю челюсть.

Пятерка Мусалима через силу начала лупить по теперь уже подвижной цели. Их удары стали слабее и реже, но и у команды Като, а точнее Ланса, дела шли так себе. Их руки и ноги закислились, кое-как выдерживая нагрузку. А Каткема сразу понял, насколько тяжело было Рифэлю, слабые плечи отнимались на раз. Этот “локомотив” продолжал свой путь праведника, пока ударяющие не смекнули и не начали бить по открывающимся ногам. Друг Мусы, так кратко называли Мусалима, со всей силы зарядил по ноге Ланса.

– Ах ты тварь!!! – Заорал он и со всей силы оттолкнул противника щитом, да так, что атакующий сразу повалился наземь. Этот ответный удар заметил преподаватель.

– Вот это правильно! Вот это по-нашему! Внимание всем! Теперь обороняющиеся могут производить контратаки, но чтобы квадраты обязательно продолжали движение и сохраняли свою целостность! – Объявил Януш, не изменяя своей суровости. Он то и дело косился на дворника, который принялся закуривать сигаретку.

И настоящая игра понеслась. Ланс тут же ударил с размаху Мусу по шлему. Получилось неожиданно, и поэтому так эффективно. Последний на секунду потерял ориентацию в пространстве и попятился назад, пытаясь поправить шлем. Настало время и Рифэлю отомстить за свои страдания. Амплитудным и размашистым ударом снизу он как-будто бы хотел разрубить врага надвое, но удалось лишь разбить губу чернокожему атакующему. Като в этот момент очень сильно пожалел, что не мог поквитаться с противниками, ведь иначе своей команде бы прилетело по голове. Беззубик тоже нанес размашистый удар, но противник успел поставить блок дубинкой. Тут он не растерялся и решил использовать их же прием, то есть заехал по животу с колена, попав прямо между щитков. По итогу, враг остался повержен, сложившись пополам. Келлепо тоже не терял шанса безнаказанно подражаться и колющим ударом заехал Мусе в область паха. Несмотря на то, что там была защитная ракушка, вражеский капитан загнулся от боли, матерясь и угрожая, что сейчас всех тут размажет. Только он поднялся и собрался налететь всем телом на Кела, раздался свисток. Януш остановил “сражение” после того, как наставлял словесных тумачков дворнику за то, что тот позволил себе отравлять воздух сигаретным дымом вблизи курсантов и подавать дурной пример.

– Ну что, наигрались, ребяташки? На сегодня хватит. – Захихикал главный ответственный по физическому воспитанию, с довольным видом скрестив руки и оттянув туловище назад.

На этом моменте лицо Мусы выражало неистовую злобу, но против приказа пойти он никак не мог, дисциплина делала свое дело. Мусалим бросил на землю палку, снял шлем, оголив мокрые угольные волосы. Злость прошла. Он смотрел на Кела исподлобья, сильно прищурившись из-за высохших линз, и ртом быстро выдыхал воздух, отпуская порциями гнев. Сейчас ему оставалось лишь представлять, как бы он с ним поквитался. Но в целом, в повседневной жизни такой ярости от него обычно никто не встречал.

У Като, как и у остальных, тоже было прекрасное ощущение легкости в конце боя. Даже ходить и даже дышать получалось намного приятнее. Он был безмерно рад, что смог выстоять и сдержать напор оппонентов, а улыбка от облегчения не спадала с лица. Плечи же будто

желали исчезнуть от боли и усталости. Товарищи бросали на него одобрительные взгляды, а это невероятно льстило терзающей себя душе.

Тут их всех снова собрали на построение, на конечный пересчёт. Като стоял рядом с Лансом и Келлепо и слышал их разговор.

– Этому черту, похоже, мало, что мы в камере всю субботу просидели. Ублюдок, пусть идёт нахрен! – Яростно голосил Келлепо, стараясь не превращать шепот в очередную истерику. Он приподнял визор и протер потное лицо, размазав грязь по лбу вдоль морщин.

– Была бы возможность, избил бы его, как того додика, – продолжал рассерженно он же, взглянув на грязные пальцы и поняв, что теперь выглядит, как свинья.

– Ладно, успокойся, сегодня пойдем в клуб. Там нас уже, небось, заждались. – Ехидно сказал Ланс, взор которого был направлен далеко в небо, а фантазии взяли верх над реальностью.

– Ухх, да. Мою уж совсем чуть-чуть осталось обработать... – пояснил хвастливо Кел, однако до Ланса ему было далеко, так как этот потомок коренных северян менял себе девушек, как перчатки.

– Да я свою прямо там, в туалетной кабинке отодру. Вообще плевать.

Януш с Мюргом совсем не обращали на них внимания, так как гневно и придирчиво докапывались до курсанта, который предоставлял мед-справку по болезни из-за пропуска занятий. Преподаватели класть хотели на его причины отсутствия, для них никто не имел права пропускать пару, иначе вводились штрафные санкции в виде отработки занятия.

– А мы им, похоже, настолько понравились, что они уже и жениться на нас готовы. – С усмешкой добавил Кел.

Стиль поведения Кела походил на спокойный, расслабленный, властный и созидательный, его манера речи была неторопливой. А Ланс же говорил быстро и невнятно, будто маленький гoblin, который хотел кому-то напакоstitь.

– Ага, им с моим “другом” женитьбы хватит. Потом пусть идут на все четыре стороны. – Подтвердил белоголовый и смачно сморкнулся в сторону кроваво-зеленой слизи. Из-за высмаркивания у Ланса лопнули капилляры, от чего вокруг глаз нарисовались красненькие точки.

Непристойный разговор продолжился, в ходе которого они в голос хохотали над теми девушками. С каждой оброненной фразой Каткема ненавидел их все больше и больше. Его переполняло презрением, и было все сложнее скрывать свой неодобрительный взгляд в их сторону. Потребовалось очень много усилий, чтобы смотреть строго вперед, на трибуны, где шастали уборщики в оранжевой униформе. Поведение Ланса с Келом – было обычной практикой среди молодых парней, но не для него. Като считал дикостью, так спаивать девушек до потери сознания, пользоваться ими и потом исчезать, как какие-то кочующие дикари. Пока Чешуа стоял рядом с ними, он ощущал, что его тело будто пронизывала их чудовищная аура, отравляющая душу. Их поступки полностью расходились с его “кодексом чести”. “Ланс, Ми-фенг и Келлепо... ощутить бы им это на собственной шкуре! Они же, небось, за людей никого кроме себя не считают!”, – корча лицо, думал Чешуа. После прошлого драматичного опыта Като не мог себе позволить ничего большего, чем поцелуй, да ещё только в тех случаях, когда у него было хотя бы немного симпатии к партнеру. Он считал такой путь мужчины правильным, что это и должно отличать человека от животного. Верностью и сохранением чести Каткема хотел заслужить настоящую любовь. Он яро верил, что если человек будет постоянно бросаться из одной постели в другую, то это может продолжаться всю жизнь, пока человек не останется совсем один.

Погрузившись с концами в свои мысли, Като, словно в беспамятстве, переоделся, помылся, бесцеремонно попрощался с товарищами и потопал домой. Он настолько был в отрыве от реальности, что даже забыл подождать в коридоре Анну. В его голове шло противо-

речие между устоявшимся мировоззрением насчет любви двух людей и его нынешних романтических отношений. Но, в конце концов, Като успокаивал себя тем, что он не делал с ней ничего серьезного и необратимого, лишь легкий флирт, лишь поцелуйчики и обнимания, никакого установления крепкой связи и дальнейшего ее обрыва.

Даже по дороге домой и за столом с родителями он не мог прийти в себя, перестал обращать внимание на такие внешние раздражители, как жара, треп предков и запах перегоревших на сковороде макарон. Особое миротворческое, но ранимое настроение с утра, появляющееся пару раз в месяц, вынуждало Каткему в этот день воспринимать каждый неприятный случай близко к сердцу. Чудовищно близко. Раньше с ним никогда подобного не случалось.

Весь вечер он ни с кем не говорил, кроме как с самим собой, не писал друзьям и Анне. Родители поинтересовались, всё ли у него в порядке, но в ответ лишь услышали, что просто с утра якобы уже не было настроения от недосыпа. Золотые рыбки, плавающие в аквариуме, наблюдали из-за пожелтевшего целого стекла за предками Чешуа-младшего, а вид паренька по диагонали перекрывала единая трещина. Каткема пытался скрыть свои настоящие эмоции, чтобы избежать лишних воспитательных моментов. Позже ему позвонила Анна. Сначала он не хотел отвечать, но затем все мысли, терзавшие голову весь вечер, натолкнули его сделать ей что-то приятное. Она была неплохой девчонкой и явно заслуживала пару ласковых слов, но разговора так и не вышло. У неё снова были какие-то посторонние шумы, похожие на звуки громкой клубной музыки. Каткема не мог ничего расслышать, разгневался и выключил телефон, уткнувшись головой об свою твердую подушку. Через полчаса мучительных образов и картинок он заснул крепким сном.

Глава 5. Опустошение

Наутро Като вроде бы пришел в себя, на свою убранную и чистую комнату он смотрел уже более сдержанным, но суровым взглядом. Даже самый острый глаз не смог бы здесь придраться, ибо родители Каткемы убирались почти ежедневно. Не от перфекционизма, конечно, скорее оттого, что им просто нечем было себя занять. Его большая берлога казалась очень умиротворенной также из-за темно-синего цвета обоев и штор.

Он подошел к огромному и вытянутому шкафу-купе с зеркальными дверцами. Чешуа любил перед ними останавливаться, обычно глядя на свое тело и вечно оставаясь от него недовольным. Хоть он и был довольно стройным парнем, но беспокойный разум и зоркий глаз постоянно выискивали недостатки в фигуре. В другом углу его внимание вдруг привлек шкаф с книжными полками. Книг там было немислимо много, целая коллекция различной литературы: художественной, научной, психологической, литературы для личностного роста. Чтение было, пожалуй, единственным увлечением Каткемы.

Комнатушка еще казалась новой для него, мебель была ещё совсем свежая, даже серебристый диван стоял без единого пятна. Так же выглядела вся трехкомнатная квартира, сделанная на один манер. Хоть ее площадь выдалась нескромно большой, семейка решила обставить все так, чтобы свободного пространства практически не осталось. Разумеется, для максимального создания уюта и зоны комфорта. Комната Като могла показаться прохожему человеку пустоватой, но и интересов у него было не густо. Ему большего всего доставляло удовольствие уволиться на диван и начать мечтать, как он лет через двадцать просто общается с людьми и веселит их байками в своем баре у океана. Конечно, надо было ещё отметить гитару, стоящую рядом с письменным столом. Като только недавно пробовал играть на ней, но судя по пыли на струнах, забросил это увлечение.

Быстро позавтракав, посредственно вымыв посуду и стараясь не звенеть тарелками, Чешуа тихо вышел из квартиры. Так как у родителей был отпуск, они спали дольше сына. Так сказать, отсыпались от итак полусонной жизни. На улице было очень пасмурно, мир будто погрузился в серые чернила, но Каткема обрадовался. Наконец, назойливая жара исчезла. Хотя грозные тучи явно намеревались избавить его от этой радости, как и толпа первоклашек, неохотно идущих в школу под руку нервных родителей. Те предки, которым приходилось прямо волочить свою непослушную детвору, срывались, словно псы с цепи. Неприятная, но привычная картина городского утра.

Сегодня, как и во все другие дни недели, предстояла ненавистная практика на улице. Первой парой стояла математика, а второй уроки-самообороны. Като зашёл в класс, сел рядом с Арти и понял, что что-то в его взгляде изменилось. Он был схож со взглядом тех троих зачинщиков драки. Воздух в классе будто был заряжен их злой аурой. От курсантов веяло неким высокомерием и предвзятостью. Чешуа подсознательно почувствовал что-то неладное, как только зашел. Пасмурная погода будто специально подчеркивала его замечание, облачив курсантов в хмурые кандалы. Преподаватель еще не зашел в класс. Высокие тополи за окном амплитудно раскачивались от ветра, словно намереваясь рухнуть на академию. Кто-то обсуждал сплетни со вчерашней вечеринки, кто-то прямо поносил некоторых лиц, кто-то дрался и выяснял отношения с соседями по парте. Да, тополь горел желанием на них свалиться.

– Как дела? Чем вчера вечером занимался? – Очень наивно и дружелюбно спросил Като у Арти после хлипкого рукопожатия.

– В смысле, чем? В клубе был! Не дома же сидеть. – Крайне ядовито ответил он, высокомерно отводя взгляд в сторону и не отрываясь от печатания в телефоне. Казалось, экран то и дело треснет.

– Понял... – Весьма обыденно ответил недоумевающий Каткема, пока медленно доставал учебники из портфеля. – Чувак, что случилось?

– Да ничего не случилось... вчера хотели всем потоком собраться, потусить нормально. Договаривались же давно. Но до тебя, как обычно, хрен дозвонишься. И меня, и Анну обломал. – Все больше свирепствовал Артед, на глазах краснея, как переспевший помидор.

Несколько сплетников, сидящих позади, обратили на них свои важные, величественные взоры. Не сказать, что они были удивлены, шумный и говорливый Арти частенько не следил за громкостью интонации.

– Че орешь то?! Виноват я, что не смог вашу “важную” вечеринку навестить!?

– Ага, не смог он, кому ты рассказываешь. Твои дела – это с унылым видом завалиться домой на кровать и о всякой философской чуши “размышлять”. Цену себе набиваешь, вот наша всеобщая претензия к тебе. И на тусовки ты не ходишь, потому что якобы себя выше нас, плебеев, ставишь. Не твоего уровня утехы, а? – Разошелся ни на шутку Арти и даже отложил телефон. Внимание большинства сидящих они все-таки привлекли.

– Ты что несешь? Вы что меня за спиной уже каким-то выскочкой успели заклеить! – Еле сдерживался Като. У него быстро промелькнула мысль, что этот скандал может испортить и день, и дружбу. Он попытался успокоиться. – Слушай, наверняка есть вещи, из-за которых можно на меня дуться, и есть за что мне предъявить. Но сперва скажи, пожалуйста, причем здесь Анна?

Негодование Като выдавало то, что он без конца сворачивал тетрадку в рулон.

– Не съезжай с рельс, мы сейчас о тебе говорим. Значит, ты признаешь все вышесказанное? – Промолвил Артед, барабанил пальцами по старой разрисованной парте.

– Нет! – Мгновенно бросил Като, отрицательно замахав головой, – ты возвел все в абсолют, вчера я, правда, был занят... точнее, мне нездоровилось, и я лег рано спать. Однако, если честно, то я все равно, скорее всего, не пошел бы в клуб. Мне просто не интересен подобный досуг. Допустим, пошел бы весь поток в другое место, то и я бы, скорее всего, согласился.

Каткема решил оставаться честным, чтобы восстановить доверие и усмирить пыл товарища. Артед замолк и пронизательно выжигал взглядом своего приятеля. Слова Чешуа ему вовсе не понравились, и сейчас вредина натягивал тетиву, чтобы выстрелить еще мощнее, сразу наповал. Расстроенная Анна вчера рассказала Арти про то, что Като высмеивал его поведение перед Фролой. Кряжистый товарищ и раньше подмечал неодобрительный, высокомерный взгляд своего друга, но на сей раз чаша терпения переполнилась.

Внимание публики на сей раз заняла цокающая на каблуках секретарша в той же обтягивающей юбке. Она долго шагала по коридору прямо напротив открытой двери их аудитории.

– А кто инициатором и организатором встречи то был? Целых два потока собраться сами по себе не могли. – Безмятежно спросил Като, восприняв паузу за добрый знак и, наконец, оставив в покое тетрадь.

– Ну, во-первых, второй поток был лишь частично, компания Мусы и другие парни не пришли. А, во-вторых, сейчас ты удивишься: Ми-фенг, Ланс и Кел. – Хладнокровно начал коварную “шахматную партию” Артед, едва заметно прищуриваясь.

– Что? Но они же последние уроды, как вас угораздило с ними пересечься?

– Кто бы говорил. Они организовали вечеринку в знак извинения перед потоком за тот случай. Просто... нужно узнать их поближе, чтобы отогнать ложное первое впечатление. Не суди книгу по обложке... честно, ребята – красавчики, все быстро и ловко сделали, держали всю тусовку под контролем, со всеми познакомились и сдружились. Даже я, Фрола и Анна с ними нашли общий язык. Кстати говоря, о твоей типа девушке. Она скучала по тебе вчера... но потом мы ей объяснили, что не стоит ради такого сухаря слезы лить, и получилось. Девчонка наконец-таки раскрепостилась и отошла вместе со всеми, как и подобает молодежи. –

Продолжал ехидно Арти, все накаливая ампулу, под названием сердце Каткемы. Самострелы, постепенно развешенные в течение последних трех лет, начали палить залпом.

Раздражали также и дерущиеся на задней парте охломоны, которые умудрились грохнуть стул на древнейший ламинат.

Като молчал, будучи в полной растерянности. Его будто бы бросили в мясорубку и начали медленно прокручивать. Тревога вызвала вопросы об Анне, тревога начала истерично скрещивать мысли про нее с фразами Арти про то, что наивная девчушка хорошо отождгла вчера и что познакомилась с троицей. Простыми знакомствами с такими красотками, как было известно, эти парни не ограничивались. Она же из-за своей наивности могла спокойно растаять от непрерывного потока комплиментов. Чешуа смотрел под парту с подавленным, но суровым лицом. Арти был счастлив.

– Понимаешь, мой дорогой друг, эти парни реально знают, что делают. Они так хорошо вчера сказали в одном из пьяных тостов, что жизнь коротка, а молодость еще короче. Сейчас идут наши золотые годы. Нельзя их спускать в унитаз уныния и скуки, нужно кайфовать, веселиться, наслаждаться жизнью, которая во взрослом этапе ничем хорошим не сулит. Когда ты еще сможешь так ярко пожить? Больше подобной свободы не будет! Ты-то уж должен это понимать. Сейчас ради твоего же блага распинаюсь. – Покрасневший и вспотевший лепетал Артед, как по нотам. Он резко перешел от желчи к философским дружеским нравоучениям.

“Идиот, кретин, баран, жалкий ублюдок, что за пургу ты несешь? Ты бы на себя и вокруг посмотрел. Так разве выглядят золотые годы?”, – кипела этими мыслями голова Каткемы. В классе стало еще темнее. Включать свет никто не собирался. Предпочтение оставалось за мраком.

Чешуа в период юношеского становления для себя хорошенько уяснил, что нужно очень внимательно фильтровать все жизненные парадигмы, которые пытается навязать общество. Все люди разные, всем нужно разное. В данной же ситуации Като сразу заметил обратную сторону монеты. Неправильно было рассуждать, что дальнейшая жизнь ничем хорошим не сулила, неправильно было думать, что золотые годы могли быть только в молодости. Человек либо всегда наслаждается жизнью, либо никогда. Кроме того, тусовщики всегда умалчивали, что после счастливого веселья появляется куча проблем, которую предстоит разгрести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.